

Мансуров Андрей
Конан-варвар.
Неизвестные хроники

Героическое фэнтэзи

Андрей Арсланович Мансуров

Конан-варвар.

Неизвестные хроники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24918140

Аннотация

В процессе работы над произведениями в жанре сайнс-фикшн, как-то незаметно для меня самого, появилось и несколько совершенно новых и оригинальных фэнтэзи-новелл о похождениях знаменитого киммерийца. Я решил собрать их для удобства таких же фанатов приключений знаменитого северного воина, каким являюсь и сам, здесь, под одной обложкой. Пользуюсь случаем поблагодарить уважаемых модераторов Портала СамПуб за их любезное разрешение использовать и некоторые из уже опубликованных мной в других сборниках, изданных через СамПуб, произведений о Конане. Новый сборник посвящён приключениям, относящимся к периоду, когда Конан выступал в роли профессионального вора и наёмника, а так же был капитаном команды корсаров. Написаны новеллы в традиционном жанре героического и волшебного фэнтэзи, и, надеюсь, столь же интересны и динамичны, как и мои предыдущие книги о подвигах Конана-варвара: "Конан и Слуга Золота", и "Конан: новые приключения". Желаю всем

поклонникам походов знаменитого киммерийца приятного
прочтения!

Конан-варвар. Неизвестные Хроники.

1. Конан и странный чародей.
2. Конан и Опал Нэсса.
3. Конан и тысяча каменных воинов.
4. Конан и Город Теней.
5. Напарник.

1. Конан и странный чародей.

Впервые темника Конан увидел на базаре.

Он как раз шёл между рядами с фруктами, выбирая себе чего-нибудь поэкзотичней: пожевать после очень сытной, но уж очень жирной и слегка пережаренной бараньей ноги. Душа (или желудок – Конан особо не задумывался) просила для лучшего переваривания мясного обеда десерта полегче и покислее. Ароматы навоза, людского и конского пота, базилика, пряностей, благовоний, экзотических фруктов и овощей создавали неповторимый букет, вдохнув который любой человек, даже с закрытыми глазами, понял бы, что он на восточном базаре, даже если б вокруг не стоял оглушительный гвалт от криков зазывал и торговцев, и гул от азартного торга за каждый медный обол.

Душное облако пыли, нависшее над провинциальным го-

родком Паркент, куда забросила варвара непредсказуемая судьба наёмника, уже набрало наибольшую толщину и мощност: собственно, оно каждый день неумолимо возникало к полудню, поднятое ногами сотен верблюдов, коней, неизменных осликов, везущих к главному месту продажи арбы с товарами. Ну, и, разумеется, ногами людей: и продавцов, и покупателей в городе, стоящем на перекрестье караванных трактов, всегда хватает. Да и разве может быть по-другому, когда речь идёт о закупке-продаже-перепродаже-получении-барыша?!

Может быть, именно поэтому в городе, где и жителей-то набралось бы едва с десятков тысяч, караван-сараев имелось – словно в столице: не меньше полусотни!

Внезапно словно что-то вроде тучи набежало на солнце – сразу стало темно, как при грозе! Конан посмотрел вверх. На базар прямо из серо-сизой, словно тусклой, голубизны, называемой восточным небом, отвесно, как бы спикировала некая огромная птица – вроде кондора или грифа! Что-то хлопнуло, совсем как раскрытые в торможении крылья, и вот тень закрывает уже чуть не половину базара!

Завизжали женщины, да так, что у киммерийца заложило уши! За ними заорали младенцы, и даже мужчины! Вокруг, словно настал по-меньшей мере конец света, забегали и засуетились люди. Кто-то из торговцев и торговок спешил спрятаться под прилавок, даже выбрасывая оттуда корзины и ящики с товаром, кто-то – уже из покупателей! – нёсся сломя

голову под навесы и в прохладную полутьму лавок-мастерских, окружавших базарную площадь по периметру. Остальные, и таких было большинство, толкая и давя друг друга, наплевав на визг детей и женщин, и стоны раненных, старались убраться с базара через четверо главных ворот, оставляя на земле корчащиеся тела придавленных. Которые, впрочем, тоже старались отползти в ту же сторону: как можно дальше от странной тени!..

Действия людей, вполне сознательные и целеустремлённые, сказали киммерийцу о том, что они явно не в первый раз сталкиваются с неизвестной ему напастью. Которая и страшна и опасна, но...

Привычна!

Сам Конан бежать или прятаться посчитал ниже своего достоинства: мало ли каких тварей ему не приходилось встречать в своих путешествиях и приключениях! Если б ото всех прятался или бегал, никогда не узнал бы, как этих тварей убивать, и не снискал бы славы лучшего наёмника в Ойкумене.

Так что он, пока даже не вынимая верный меч из ножен, остался спокойно стоять в проходе между прилавками с товаром, заодно выбрав себе – бесплатно, поскольку хозяин с женой скрылись под прилавком, задвинув лаз туда своим же запасным товаром! – плод авокадо посимпатичней, и сразу откусив от него чуть ли не половину.

Тень опустилась ещё ниже. И вдруг словно бы втекла в

щель между полотняными и дощатыми крышами лотков и прилавков, не дающими полуденному солнцу Паркента совсем уж сжечь жителей и гостей провинциального городишки. Варвар не без удовлетворения констатировал, что к этому моменту на базаре не осталось ни единой живой души. Все или скрылись в оружейных, лепёшечных, посудных, ковровых, и с одеждой, и драгоценностями, и прочих, лавках, или, закатившись под прилавки, заложили входы туда теми же корзинами и ящиками, которые только что столь споро выбрасывали оттуда!

Чёрная тень, теперь стёкшая на землю, отнюдь не приняла какую-то определённую форму. Она так и осталась огромным, с доброго носорога, сгустком темноты, формой очень похожим на кляксу. Самую обычную чернильную кляксу, которую иногда ставит нерадивый ученик нотариуса на пергаменте документа, и за которую неизменно получает розгой – по рукам!

Вот только повадками не походило странное существо на безобидную кляксу.

Конан инстинктивно чувствовал исходящую от твари злобу, голод, и опасность. Поэтому замер, стараясь теперь даже не двигать челюстями, и ощущая, как тёплый сладкий сок из надкусанного плода и слюна заполняют рот.

Тварь выпустила нечто вроде не то – отростка, не то – шупальца: как у гигантского спрута, и накрыла им прилавок с виноградом и инжиром. Когда через несколько мгновений

отросток словно бы всосался обратно в тело монстра, на прилавке вместо фруктов осталась лишь горстка серого порошка, похожего на пепел, и тонкого блестящего слоя – вроде слизи, какая остаётся, если по виноградному листу проползёт улитка, пожирающая спелые плоды. Тварь чуть сместилась вперёд – в сторону киммерийца, и выпустила другой отросток.

Этот «разобрался» с грудой арбузов и дынь.

Когда в пепел и слизь превратился прилавок с курагой, алычой и черносливом, киммериец не выдержал: шагнул к словно перетекавшему и бесплотному телу, и рубанул что было сил мечом по его черноте!

Ну – и ничего!

Словно он нанёс удар по воздуху! Меч, не встречая ни следа сопротивления, коротко свистнув, прорезал тело твари насквозь, на долю секунды разделив зрительно часть черноты сверкнувшим сквозь разрез видом земли и прилавков за этим телом! И тут же края разреза сошлись, словно Конан ничего и не рубил!

Киммериец выругался. Тварь никак не отреагировала на его действие – разве что вместо того, чтоб выпустить уже наметившийся было очередной отросток-лапу в сторону прилавка с баклажанами и кабачками, втянула его назад, и выпустила другой: в направлении варвара.

Конан отступил. Отросток потыкался по земле, по тому месту, где Конан только что стоял, и... втянулся обратно.

Другой отросток, потянувшийся было к баклажанам, снова вырос, и накрыл овощи. Труха и слизь остались точно такие же, как от помидоров, дынь, груш и винограда: серая, пушистая, и легко сдуваемая наземь налетевшим неизвестно откуда лёгким ветерком пыль, и блестящая тоненькая плёнка слизи.

Конан двинулся в лавку оружейников: звон от ударов молотов и кувалд с момента нападения стих. Да и вообще: весь базар, словно от этого зависела жизнь людей, замер в почти мёртвой тишине! Варвар подумал, что так эффективно приказать заткнуться своим подданным не смог бы ни один султан – не говоря уж о наместнике Паркента. Которого сам Конан знал, правда, лишь по слухам. Но и того, что услышал о чиновнике, хватило, чтоб проникнуться брезгливым презрением к ленивому и похотливому толстячку-обжоре.

Войдя в лавку, киммериец обнаружил, что людей в ней нет: похоже, все забились в жилые и служебные комнатёнки позади основного зала-кузни, где сейчас пылало яркими зевами три горна, и одиноко стояло около десяти наковален. Готовое оружие, лемеха плугов, разные скобы и гвозди висели по стенам, или лежали в ларях, стоящих вдоль всех стен комнаты. Бросалось в глаза, что опорные столбы, да и балки кровли с досками перекрытия, лежащие на ней, ещё не покрыты, как это обычно бывает в кузнях, толстым слоем пушистого налёта сажи и копоти.

Интересно. И странно. А похоже кузня-то – построена

недавно. Неужели местный базар мог обходиться без такого важнейшего ремесла? Или...

Или она просто недавно сгорела? И её только-только восстановили.

Однако особо долго задумываться над этим некогда.

Конан посопел. Потом подумал, что вряд ли ему кто чего толкового посоветует, раз все сразу попрятались, и никто не стал даже пытаться сражаться.

Похоже, они тут уже пробовали. И, похоже, результат оказался...

Плохим.

Значит, нужно действовать так, как подсказывает чутьё. Его чутьё.

Конан подошёл к одному из горнов, вынул заготовку сабли, калившуюся там. Остриё светилось ярко-оранжевым, к рукояти постепенно переходя в красный и тёмно-вишнёвый. Он хмыкнул, покрутил лезвием, примеряясь. Нормально, хоть и баланс без готовой рукояти не очень, и держать не слишком сподручно. Но для его целей – пойдёт.

Вернувшись к твари, которая за это время расправилась с почти половиной ряда, Конан ткнул в черноту тела раскалённым кончиком.

Ого!

Тварь тут же отдёргнулась: словно он облил её кипятком! Значит, мысль оказалась верной.

Конан начал наступать, наседать на тварь, отгоняя её на-

зад, и стараясь доставать всё её тело сетью пусть неглубоких, но часто лежащихся разрезов, и беспрерывно вертя саблей так, что её огненно-красный конец сливался как бы в большой круг, заодно не давая монстру свернуть никуда из прохода.

Однако долго это не продолжилось: тварь явственно и очень сердито зашипела, и отчалила таким же образом, как и появилась: истончившись, превратилась в как бы поток, вытекший сквозь щели между крышами и навесами наверх. И там, распластавшись в огромное бесформенное пятно-блин, быстро исчезла, стремительно взмыв в пучину неба!

Варвар почесал в затылке. Но по здравом размышлении решил, что пусть лучше тварь убежит, чем её придётся расчленять и закапывать... Такой возни он не любил.

Поэтому он просто прошёл обратно в кузню, засунул саблю туда, откуда взял, и, мирно дожёвывая новое позаимствованное авокадо, отправился к себе на постоянный двор: досыпать после еды.

Эпизод со странной тварью он даже не посчитал достойным, чтоб подумать о нём во второй раз: мало ли с кем его не сводила судьба странника-наёмника!..

Разбудил Конана вежливый стук в дверь.

За эти годы он научился различать даже по стуку: или характер и настроение того, кто стучится, или те события, что могут последовать за таким стуком. Чутьё подсказало ему,

что сейчас состоится...

Визит к нему представителей официальных властей Паркента.

И точно. Когда варвар открыл дверь, за ней обнаружился усатый смуглый мужчина в кольчужной рубахе и с саблей на поясе. Конан знал его: лейтенант стражи наместника. Мужчина оглянулся через плечо, но Конан и сам отлично видел и без этого намёка десять сурового вида воинов, перекрывавших оба конца коридора: некоторые даже держали на всякий случай руки на рукоятках оружия.

– Да продлит Аллах милостивый и милосердный дни ваши, о чужестранец. Это вы – Конан, прозываемый киммерийцем?

Странно. Даже более чем. Обычно на «вы» Конана представители властей не называли. Они или пытались его арестовать, (ха-ха!) или выселить из караван-сарая за долги, драки, или... Да мало ли! Но сейчас – явно не тот случай.

– Привет и вам, отважные воины. Да, это я. – Конан не стал вдаваться в объяснения.

– Не мог бы уважаемый Конан-киммериец проследовать с нами?

– И к кому же это и куда?

– К нашему повелителю, наместнику Паркента, эмиру Аваз-беку. В его дворец.

– А зачем? – Конан решил, что раз уж его не пытаются убить, посадить в зиндан, или просто – запугать, можно поз-

волить себе некую долю хамства. И любопытства.

– Наш всемилостивейший повелитель хочет... Поговорить с вами.

Конан подумал, что это может быть даже... интересно.

А, возможно – и выгодно.

Уж что-что, а запах чистогана он чуял за милю!

– Хорошо! Только подождите: я одену парадную шкуру.

Конан действительно нацепил те из штанов, что смотрелись поновее, и даже шкуру леопарда, добытого в лесах Вендизии собственноручно, накинул на плечи, хотя в Паркенте было жарко. Про пояс с мечом и кинжалами он, разумеется, тоже не забыл. Уж если предстоит беседа, и возможно – работа, нужно подать лицом товар. То есть – себя.

Дворец киммерийца не впечатлил: обычное скопление строений в восточном стиле: клетушки, клетушки по периметру огромного, обнесённого высоченной стеной, двора, с крохотными, как он знал по опыту, комнатёнками для жён, наложниц и слуг, и служебными помещениями вроде кухни, бани, склада продуктов и всего такого прочего. В центре дальней стороны двора – помещение побольше: сам так называемый дворец. А точнее – просто чуть лучше и аккуратней отделанная большая комната. Тёмная даже днём, с узенькими, как положено на востоке, длинными прорезями-окнами, выходящими только во внутренний двор, и завешанная по остальным стенам коврами.

Ковёр имелся и на полу: Конан, пока шёл к правителю, сидевшему на чём-то похожем на трон, возвышавшимся на постаменте у дальней стены, обратил внимание, что походные сапоги почти по щиколотку утопают в высоком мягком ворсе.

Однако интерьер варвара не впечатлил: он бывал в покоях и пороскошней!

Встав в пяти шагах напротив сидящего на кресле с резной высокой спинкой пожилого мужчины, варвар вежливо, но без подобострастия, поклонился. Всё-таки он – гость. Он не поразился внешнему виду владыки: примерно так ему этого «повелителя» и описывали: небольшого роста, средних лет, и очень тучный. К тому же всё время потеющий, и утирающий пот огромным, серым от влаги, платком – эту привычку наместник явно заимствовал у иностранцев из более цивилизованных западных стран. Правда, Конан не думал, что это именно его визит заставил почтенного Аваз-бека так потеть и нервничать.

С минуту длилось молчание. Конан не спешил начинать разговор: он знал, что начать его положено тому, кто был инициатором встречи. Аваз-бек же пристально, с очевидным и даже неприкрытым интересом, рассматривал мускулистое тело, оказавшееся перед ним. Очевидно, осмотром он остался вполне удовлетворён:

- Здравствуй, Конан, прозываемый киммерийцем.
- Здравствуйте, почтенный Аваз-бек.

Вельможа посопел: похоже, не слишком почтительное и неформальное, без громких эпитетов и титулов вроде «колебателя вселенной» или «наимудрейшего повелителя», и традиционным пожеланием, чтоб «аллах милостивый и милосердный продлил его дни», и так далее, обращение к нему простого наёмника – пусть и самого знаменитого в Ойкумене! – не слишком его обрадовало. Всё-таки они – не ровня!

Но как ни странно, дальше не последовало ничего: никаких окриков страже, чтоб проучили наглеца, заставив пасть на колени, и отбить лбом положенные по этикету поклоны, или ещё каких-либо репрессий. Похоже, Конан и правда: был очень нужен!

Ну вот он и выяснил, не задав ещё ни единого вопроса, уже – кое-что!

– Мне рассказали, что произошло два часа назад на базаре.

Конан предпочёл не отвечать на эту фразу, лишь снова чуть склонив голову, в знак того, что слышит. Вельможа продолжил:

– Так быстро и просто разобраться с темником не удалось ещё никому. А если учесть, что до этого ты эту тварь вряд ли видел... Или – видел?

– Нет, почтенный Аваз-бек. Я впервые увидел этого... Темника лишь на базаре, два часа назад.

– Вот-вот, и я говорю – впервые увидев, *так* действовать... Это... Вызывает уважение. И восхищение. Твоей

храбростью и твоей сообразительностью. Силой. Ловкостью. Но должны же быть у такого незаурядного бойца и какие-то... недостатки? Маленькие слабости. Пристрастия. Опираясь на которые я мог бы предложить тебе... Некую работу.

Скажем, сребролюбие?

Конан рассмеялся: просто и от души!

– Да простится мне такое выражение, почтенный Авазбек: вы – самый прозорливый чиновник из всех, встречавшихся мне до сих пор! Вы с первой же попытки выявили моё самое «уязвимое» и слабое место! И – «пристрастия»! Вот что я действительно люблю, так это – полновесные золотые кругляшки! Позволяющие весело проводить время такому... такому весёлому, находчивому и храброму воину, вроде меня!

– Отлично. Позволю себе предположить, что мы нашли... э-э... области взаимного интереса. Я заинтересован избавить своих, вверенных моему попечению, правоверных граждан, подданных моего повелителя: от обременительной, и раздражающей меня, словно заноза в заднице, напасти. А ты – мог бы неплохо на этом деле заработать.

– Ваше предложение, почтенный Авазбек, *уже* очень меня заинтересовало... Но вначале мне нужно хотя бы знать: с чем мне придётся... Встретиться. И сколько круглых золотых блестяшек ваша милость посчитает достойным вознаграждением за мои труды!

– Хм-хм... деловой подход. Верно: ты же даже не знаешь, что это за тварь. Как верно и то, что моя стража и войско до сих пор не преуспели в борьбе с этой напастью.

Слушай же!

– Три года назад у нас была жуткая засуха. Мои подданные отчаялись собрать хоть что-то: посевы засохли на корню, не получилось даже сена! (Кстати: следующей весной мне пришлось купить *за свои* деньги, и раздать всем землепашцам семена для посадки!) – Ага, подумал про себя Конан: раздать, как же! Сказал бы уж честно: продать! Или – дать в долг. С приличной долей барыша за проценты... Но внутренняя политика крохотных марионеточных государств – не его дело. Его дело – заработать себе на жизнь продажей своей силы, хитрости, и умения обращаться с оружием! – А той голодной зимой ко мне на приём вдруг попросился некий...

Чародей.

Я согласился встретиться с ним: мне было действительно интересно, что же ему надо.

Он предложил мне обеспечить мою землю – ну, вернее, землю моих подданных! – регулярными обильными осадками. Ну, то есть, проще говоря – дождями. И брался гарантировать, что всходы не побьют ранние внезапные морозы, или град, и не иссушат обычные для наших мест летние сушовеи. Не поест саранча, или не поразит мучнистая роса... Словом, брался создать условия для получения регулярного

и стабильно богатого урожая – любых культур, что мои дехкане не посеяли бы!

Поскольку вельможа замолчал, словно погрузившись в воспоминания и старые сомнения, Конан, вежливо выждав, нашёл нужным спросить:

– И что же вы тогда подумали, уважаемый Аваз-бек? Что это именно *он* заранее наслал на вашу страну такую напасть, как засуха, чтоб потом дорого продать свои «услуги»?

– А ты очень... Практичен, Конан-киммериец. Да, именно эта мысль в первую очередь и пришла мне в голову. Я был возмущён. Но, с другой стороны, я допускал, что он и правда – может всё это исправить обратно. Разумеется, я спросил о его условиях.

Так вот – ему требовалась часть выращенных продуктов: в свежесобранном, так сказать – то есть, прямо с полей! – виде. Гурт баранов. Несколько верблюдиц. Каждую весну. И мешок того же, чего, собственно, хочешь и ты.

– Понятно. И что вы, почтенный Аваз-бек, ему ответили на такие... э-э... наглые требования?

– В качестве ответа я дал сигнал арбалетчикам, вот как сейчас. – вельможа ткнул холёным толстеньким пальчиком в увесистом перстне с огромным изумрудом, в маленький колокольчик, который Конан приметил давно, и даже догадался о его назначении. Но оказалось, что угадал варвар лишь отчасти: колокольчик действительно служил для вызова подчинённых. Но подчинённых – не из слуг, а из личной стражи!

Один из стенных ковров вдруг упал наземь, и взгляду киммерийца открылась шеренга сердито нахмурившихся и держащих пальцы на спусковых крюках туранских боевых арбалетов, крепких и подтянутых на вид, воинов в чёрных кольчугах!

– Но у чародея, Бэл его раздери, тоже оказался припасён в кармане сюрприз: уже для меня! Этот... э-э... Недостойный трус – просто растаял в воздухе. Словно, так сказать, туманная дымка осеннего рассвета. И я остался с носом. А я не люблю оставаться с носом. – вельможа сделал быстрый знак рукой кому-то невидимому, и ковёр вдруг снова поднялся, скрыв от Конана отряд арбалетчиков.

– Поэтому я разослал во все стороны поисковые отряды... Но даже лучшие мои ищейки и следопыты не нашли логова наглого мага. А через полгода после этого, как только дехкане собрали новый урожай, и привезли его на Паркентский базар, появился первый темник. Он просто упал с неба, и, как и тот, которого ты прогнал, двинулся вдоль прилавков. Пожирая с них продукты и товары.

Вельможа снова сердито засопел, замолчав, и Конан снова вынужден был спросить:

– Так, получается, их насылает тот самый...

– Да, я тоже догадался. И даже приказал, когда появится второй, не пытаться рубить его в капусту саблями, и не стрелять из луков. А – жечь огнём! Факелами!

– Ну, и...

– Ну и восстановить базар в первозданном виде после чудовищного пожара мне обошлось куда дороже, чем покрыть подданным убыток от первого посещения. Когда исчезло лишь несколько десятков мешков продуктов. Это ещё счастье, что базар у меня отделён мощной стеной от остального города – огонь не смог перекинуться на жилые кварталы.

Конан подумал, что этот правитель и правда: заслуженно сидит на своём месте.

Во-всяком случае, в тех моментах, когда дело касается грамотного планирования строительства в городе, и управления. Городом и провинцией.

С другой стороны, стена, огораживающая базар и имеющиеся в ней четыре узких прохода, оснащённых запираемыми на ночь воротами, дают возможность: не столько обезопасить город от наверняка частых здесь, в сухом и жарком климате, иссушающим летом траву, растущую на крышах городских мазанок в готовую вспыхнуть от малейшей искры солому, пожаров, сколько...

Гарантированно собрать пошлину с тех, кто привёз товар на продажу.

И заодно – легко отлавливать тех, кто пытается этот товар попросту... Украсть!

– Однако после этого двое или трое моих наиболее храбрых... Или – глупых – это как посмотреть! – воинов, решили лично попробовать справиться с чёрной штуковиной с по-

мощью сетей, (первый) ведра с отравленной водой, (второй) и бревна-тарана. (это уж – придумка третьего) Попытки кончились плохо. Для них. Сеть просто прошла насквозь, как и таран. Отравленная вода оказалась на земле, тоже пройдя тело темника насквозь.

А трое смельчаков, попавших в лапы неуязвимого монстра, просто исчезли.

Думаю, туда же, куда и продукты.

После этого я своим указом запретил подходить к темнику ближе, чем на пять шагов. А уж жечь его огнём – под страхом повешения! И послал депешу в столицу – нашему всемилоштивейшему и наимудрейшему повелителю, султану Мохаммету седьмому.

Конан позволил себе чуть заметно усмехнуться и покинуть: уж про что-что, а про реакцию «наимудрейшего» догадаться было нетрудно.

– Зря усмехаешься, Конан. Не прошло и месяца, как повелитель прислал своего, придворного, чародея. И тот даже дождался появления темника. – опять повисла пауза.

– Неужели придворный волшебник оказался настолько храбр... Или глуп...

– Вот именно. Так что он последовал за теми, тремя, воинами, а я написал новое письмо. И вот до сих пор жду ответа.

На этот раз Конан головой покачал. Однако спросил:

– И что же, Ваша милость, даже предположений нет, где бы этот чародей, насылающий чёрную напасть, мог бы оби-

тать? Ведь это логово не может быть слишком далеко – иначе те продукты, что существо похитило на базаре, по дороге просто... испортятся?

– Я уже отмечал, что в здравости рассуждений тебе... Посещения чёрной нечисти происходят в среднем каждые три-четыре недели. (Похоже, как раз тогда, когда чародей и его слуги, кем бы они ни были, съедают предыдущую партию еды!) И проследить, в каком направлении улетает по небу его тварь – или твари, если эти существа каждый раз – разные! – оказалось не так трудно.

Но – только направление.

Потому что там, куда ведёт этот путь, лежит проклятье всей моей провинции – топь Бекназар-бая. Купец такой был в Паркенте, весьма состоятельный... Нетрудно догадаться, что эта топь и названа его именем потому, что он первым попробовал построить гать через неё. Чтобы сократить, и сделать таким образом более быстрым, сообщение с соседним Шемом и его торговыми центрами. Где кое-какие из наших товаров – шелка, мумиё, горный мёд и воск, и, конечно, алыча и курага! – пользуются заслуженным спросом. А так – приходится везти их в обход. Что на неделю дольше.

– Понятно, уважаемый Аваз-бек. Не слишком, конечно, мне нравятся болота... Но все неудобства легко компенсируют круглые и приятные на ощупь...

– Золотые монеты. Естественно. Сколько ты хочешь за услуги? (Разумеется, я потребую неопровержимых доказа-

тельств подтверждения смерти чародея.)

То, что вельможа спросил о размере платы прямо в лоб, Конана удивило.

Ну вот не положено на Востоке ставить вопрос столь конкретно! Тут надо подходить мягко, намёками, с недоговорками и подмигиваниями...

С другой стороны, может, почтенный чиновник не слишком-то верит в то, что варвар добьётся успеха. Наверняка ведь посылал экспедиции и отряды в чертову топь. И, похоже – безрезультатно. А один, к тому же никому здесь ненужный, чужак, обойдётся наверняка дешевле, чем целый обоз с пищей, водой и вином для нового отряда войска!

Да и не жалко, если погибнет – чужак же!..

Конан назвал цену, примерно соответствовавшую, по его прикидкам, стоимости подготовки и снаряжения нового отряда.

Наместник поморгал хитрущими глазками, но не стал в очередной раз говорить, что снова поражён трезвости подхода и сметливости – понял уже, с кем имеет дело. Вместо этого вельможа немного, (ну, не более получаса) и, похоже, лишь для приличия, поторговался. А Конан даже позволил наместнику, оказавшемуся столь прагматичным, чуть сбить цену.

Ещё договорились, что лишь четверть суммы Конан получит немедленно – «на сборы и подготовку к походу».

Расставались с уверениями в своём огромном уважении

друг к другу.

И, Конан был уверен: наместник хитренько так посмеивается в усы за его спиной.

Ну как же!

Нашёл излишне храброго, или наивно самоуверенного идиота, готового рискнуть жизнью за...

За благополучие и рост как торговых пошлин, отчисляемых в казну Мохаммета седьмого с каждой торговой сделки в Паркенте, так и за личный барыш Наместника.

Ну, и естественно – за «процветание» подданных: иначе как же собрать необходимую сумму налога с разорённых или бедных рабов?!

Отлично понимал Конан и «тонкий» расчет хитреца: сгинь варвар в топях, так и не придётся особо раскошеляться... Но если наёмнику повезёт – это будет куда лучше, чем страдать от ежемесячных систематических набегов, оставляющих существенные бреши в ежедневной доле толстячка со всех торговых сделок!

Пусть даже после уничтожения волшебника и придётся действительно заплатить наёмнику всю причитающуюся ему сумму!

Вся «подготовка» Конана вылилась в то, что рано утром на том же базаре он нанял трёх измождённого вида дехкан с не менее измождёнными и понурыми на вид осликами, нагруженных так, что еле могли брести, вязанками хвороста.

То, что этот хворост из предгорных лесов предназначен для растопки печей и тандыров, варвара не напрягало. Желаящие печь лепёшки, жарить шашлык, и варить шурпу для прожорливой оравы продавцов и покупателей должны позаботиться о должном запасе дров заранее!

Где находится топь Бекназар-бая, он уже знал отлично. Это именно оттуда налетали каждую ночь комары, изо всех сил старающиеся помешать ему спать спокойно. Комары были на редкость здоровые и зудячие – Конан таких больше нигде не встречал, разве что в джунглях Вендии. Поэтому к месту обитания хозяина темника, и, соответственно, рассаднику летающих кровопийц, никакого почтения варвар не испытывал. И даже надеялся, что если удастся врага изничтожить, комары каким-нибудь образом тоже – того...

Пропадут.

К границе топи их маленький караванчик добрался к закату. Сам варвар ехал на наёмном коне, хозяин которого терпеливо и молча вышагивал рядом.

Конан расплатился, и отпустил всех. Он был рад, что никто его ни о чём не расспрашивал. Впрочем, он знал, что умеет напускать на себя *такой* вид – не больно-то захочешь вести беседы...

Люди и животные скрылись в темноте безлунной ночи: как раз было новолуние. Но чуткий слух киммерийца ещё долго доносил до него тихие ругательства, разговоры, и топот копыт по отвратительной каменистой тропе. Сам Конан

никак не мог понять: каким именно образом огромное болото возникло и благополучно существует на зажатом между горных хребтов и вершин плато? И почему ни одна река из него не вытекает. Нигде.

И, главный вопрос: где следы дороги, по-идее, проложенной к этой топи Бекназар-баем?! Или тот рассчитывал устроить подъездной путь – позже? После преодоления самой сложной части будущего тракта – трясины?..

Наконец всё стихло: его наймиты действительно ушли назад, к городу.

Варвар распаковал любимую спутницу по путешествиям: объёмистую чёрную суму. Достал сухофрукты, вяленое мясо, свежую, восхитительно пахнущую и хрустящую, лепёшку. Бурдюк с водой: на время серьёзной работы он при всей своей бравате предпочитал вино – её. Чистую и бодрящую.

Поев, Конан расположился на извлечённом из той же сумы спальном мешке из шкуры северного марала. Костра он не разводил, хотя груда хвороста рядом с полосой камыша, обозначающей границы болота, достигала его роста. Выждав около часа, он решил, что достаточно. И полез на ближайший склон.

Вначале чахлая, но жутко скользкая травка, и оползни из камней делали подъём опасным: подмётки сапог иногда начинали предательски скользить, или ненадёжно лежащий щебень порывался сползти вниз по склону под весом его немаленького тела. Но затем пошли только голые скальные

уступы, и подниматься стало легче. Без луны, в рассеянном и неверном свете звёзд, киммерийцу с его кошачьим зрением было отлично видно всё вокруг. А уж про то, что навыки скалолазания он впитал с молоком матери, можно не упоминать.

Наконец он взобрался на высоту примерно двухста шагов над поверхностью топи, и выбрал удобную точку для наблюдения. Сел. Приготовился к долгому ожиданию.

Однако его терпение коварный чародей испытывал недолго. Почти сразу Конан разглядел несколько светящихся на фоне безбрежной черноты трясины огоньков: их размещение чертовски напоминало... Окна самого обычного дома! Но варвар не стал торопиться. Сидел ещё около часа, стараясь как можно точнее запомнить расположение светящихся точек, пока не заметил, что вначале одна, а затем – и две другие, потухли.

К этому времени Конан понял, и что перед ним: огромная и почти круглая топь явно являлась котловиной давно погасшего вулкана. И вулкан уже наверняка спал не одно тысячелетие, за долгие годы заполняемый наносами песка и щебня, да останками гниющей травы и камыша... А поскольку выхода всему этому не было – вот оно и болото.

Киммериец стал спускаться тем же путём, что и пришёл, посмеиваясь в усы: всё он рассчитал верно. Ни один чародей не может лечь спать, не поужинав. И не почитав на ночь своих любимых чёрных манускриптов. О зловещих и гнусных

ритуалах. И тайнах ушедших в небытие древних цивилизаций. И способах захватить весь мир.

И каким бы могучим этот чародей не был, для чтения он наверняка предпочтёт самый обычный свет. Например, от свечи. Или – масляной коптилки. Причём одна коптилка окажется в том месте, где маг ест – то есть в столовой или кухне, а другая – в спальне. И нет никакого сомнения в том, что с поверхности земли увидеть такие предательские улики простому путнику или наблюдателю будет невозможно.

Но даже самому предусмотрительному чародею не придёт в голову полностью заколачивать на ночь ставни или закладывать оконные проёмы кирпичами или ещё чем таким – ведь среди вонючих миазмов чёртова болота можно запросто задохнуться. Хотя Конан не сомневался: уж против обычных-то – наземных – следопытов, маг наверняка подстраховался. И оборона от новых отрядов наместника – налажена вполне адекватная.

Об этом говорят и две пропавшие экспедиции, о которых, собственно, варвар узнал весьма легко: вволю накормив шашлыком из молодого барашка пожилого местного ночного сторожа, а одновременно незаметно – как бы исподволь! – и напоив бедолагу молодым, бьющим по сознанию, подобно молоту Тора, вином: до состояния «я тут лучше всех всё знаю!!!», вчерашним вечером.

Закинув руки за голову, Конан растянулся на своём спальном мешке. Над головой сверкали огромные, загадочно мер-

цающие, восточные звёзды, и проносились бесшумные тени: летучие мыши. Но вот комаров здесь почему-то почти не было: то ли их поели ночные рукокрылые, то ли, убедившись, что на берегах болота не останется, чтоб предоставить в их распоряжение свою тёплую вкусную кровь, ни одно разумное – или неразумное! – существо, они улетели кормиться в город. Хе-хе.

Киммериец закрыл глаза, и позволил себе расслабиться.

В том, что возникни опасность – обострённый инстинкт выживания разбудит его, он тоже не сомневался.

Ночь – вернее, её остаток – прошла спокойно. Серый расцвет застал Конана пакующим спальный мешок, и продукты, оставшиеся от завтрака, в суму.

Когда солнце наконец высунуло огненный краешек из-за хребта на востоке кратера, варвар уже вовсю пыхтел, перетаскивая вязанки, по три-четыре за раз, к тому краю болота, ближе к которому находился обнаруженный им свет. Носить и ходить было пока легко: вдоль берега какие-то животные, приходившие, вероятно, на водопой, протоптали неплохую тропку. Да и до места, откуда он планировал начать прокладывать гать, оказалось не так далеко: не более тысячи шагов, хотя почти половину уже приходилось идти вброд: по песчаной отмели у кромки непроходимых зарослей чёртова камыша.

К обеду варвар справился, и теперь сидел на небольшой

расчищенной полянке у самой воды, изредка поглядывая на намеченный маршрут, и жуя свои сухофрукты и вяленое мясо. Запивал он их скупыми глоточками из бурдюка: пить болотную воду по его мнению, мог бы только сумасшедший. Ну, или человек с лужённым желудком и кишками.

Позволив себе полежать с полчаса на груди вырубленного камыша, пока полуденное солнце не перешло явственно на другую сторону долины, киммериец двинулся на разведку в глубину топи. Захватить вырубленный заранее в небольшой роще длинный шест-сlegу он, разумеется, не забыл.

Вот здесь можно будет наступить на кочку. Вот здесь – тоже: он уверенно и методично тыкал концом шеста во все подозрительные места.

А вот сюда придётся-таки подстелить драгоценного хвороста: выглядит, вроде, надёжно, а на деле – предательская глубина!.. Ну а до следующего места, где можно будет остановиться и прикинуть маршрут, он доберётся, когда преодолеет хотя бы вот отсюда – вон до туда.

Ничего романтического или «храброго» в наведении гати Конан не видел.

Просто – очередной, необходимый для выполнения работы, этап. Нудный, да. Тяжёлый. И вовсе не героический. Но говорить об этом ни наместнику, ни кому бы то ни было другому, киммериец не собирался. Для нанимателя главное – результат.

Ближе к вечеру, прогатиив примерно две трети намеченно-

го маршрута, он оглянулся: извилистая цепочка воткнутых в опорных точках пути прутьев-вех растянулась уже на добрую милю. Хворост подходит к концу. А никакого дома, или хотя бы – хибарки, на острове чародея не видно. Странно, да...

Он сплюнул вязкую слюну, утёр пот со лба предплечьем. Придётся-таки опять рубить чёртов камыш!

Камышом мостить тропу было неприятно.

Мало того, что рубить его мечом оказалось неудобно и тяжело – чёртовы упругие стебли никак не желали перерубаться! – так ещё об острые края листьев и пеньков он изрезал все руки и торс: ведь киммериец был, как всегда, лишь в сапогах и штанах. А о такой простой вещи, как рукавицы из плотного материала, варвар, разумеется, не позаботился.

Однако на закате он добрался-таки до вожденной цели: ступил на чавкавшую под ногами полужидкую почву чего-то вроде низкого и плоского островка, в дальнем конце которого виднелась низкая и странная конструкция: не то – заброшенная хижина, не то – просто куча полусгнивших жердей и соломы.

Решив, что тянуть особого смысла нет – чародей ведь не совсем дурак, и наверняка выглядывает хоть изредка в окно! – Конан с мечом в руке двинулся прямо туда. Да и то: он производил столько шума, вырубая и таская камыш, и ругаясь на неподатливые стебли, что даже слепой мог легко

узнать о нём: разве что маг ещё и глух как пень!

Что, разумеется – вряд ли.

Солнце как раз только-только зашло за гребень на западной стороне долины, и лишь рассеянный красно-бордовый свет заката освещал странное строение.

Не-ет, это – точно не дом! И даже – не домик! Руины халупы, собранной из жердей, кое-как скреплённых между собой верёвками, и накрытых чем-то вроде навеса из связок «горячо» любимого камыша, ну никак не могли служить тем строением, окна которого Конан вчера наблюдал! Однако в ожидании всяческого рода подвохов Конан вначале даже обошёл вокруг непонятного месива жердей и остатков развалившихся вязанок.

Нет, ничего!

А если попробовать разобрать вон тот... и тот – завалы?

Когда разгребал вторую огромную кучу, вдруг услышал слабый стон.

Конан утроил усилия, и разметал лёгкую преграду буквально в секунду!

И точно.

Самые его худшие опасения подтвердились: под завалом лежал человек.

То, что это – тот самый исчезнувший несколько месяцев назад придворный чародей, варвар догадался бы, и не будь тот укутан в грязные и полуистлевшие обрывки чёрного плаща – неизменного атрибута всех волшебников. Киммериец

опустился на колени возле лежащего с закрытыми глазами на спине мужчины. Поднял его верхнюю половину тела повыше – та почти ничего не весила! Словно перед ним – просто скелет, обтянутый тонкой плёнкой пожелтевшей иссохшей кожи!

Киммериец влил в с присвистом дышащую щель рта несколько драгоценных капель из своей фляги.

Приоткрылись мутные и явно ничего не видящие глаза.

Конан влил ещё несколько капель. Убедился, что человек не поперхнётся, и влил целый глоток. Ещё один.

Спустя три глотка послышался тихий и плохо различимый голос. К счастью, чародей говорил на туранском: Конан смог разобрать слова – «летучие мыши... узнал про Кона-на-наёмника... Скрылся в запасную берлогу... Бросил, натешившись, как ненужный хлам, даже не прикончив!.. Отомстить...» – иссохшая, похожая на щепку рука махнула в северном направлении, и бессильно упала назад, на сухой камыш.

Глаза снова закрылись, голова на обтянутой морщинистой кожей тощей шее безвольно откинулась на огромную ладонь варвара: чародей умер.

Но восстановить то, что он хотел сказать перед смертью, не так уж трудно.

Про приближение врага чародею сказали разведчики – летучие мыши. То, что Конана-киммерийца маг боится и уважает – понятно по тому факту, что он предпочёл бежать а

не сражаться: вероятно, ещё не готов. Не набрал, «так сказать», (как любит выражаться местный наместник) полную силу. То, что он тешился со стариком, пытая, глумясь, и моря голодом – тоже вполне понятно. Добрая, как говорится, традиция среди магов: заставить соперника постичь всю степень своего унижения и бессилия.

Ну, и попрактиковаться в изошрённых пытках заодно.

И то, что «не добил» – унижает достоинство мага ещё сильнее. Поскольку подчёркивает, что чародей ни в грош его «силу» и способности не ставит.

То, что его просят отомстить за это и всё остальное – разумеется само собой.

Но вот насчёт запасной берлоги...

Бедолага-маг мог бы дать ему хотя бы один – пусть и самый маленький! – намёк!

Или он и сам не знал, где та находится?.. Или он как раз *туда* и махнул рукой?

Тогда всё в порядке! У Конана, разумеется, имелся запасной план! И жест чародея вполне подтверждал его актуальность, и то, что направление варвар выбрал верно...

Выбираться с острова Конан решил утром. После ночёвки.

И сделал это только после того, как всё на острове тщательно и методично осмотрел, и обыскал остатки лачуги. И, разумеется, предал земле тело незадачливого падишахского

чародея, без труда вырыв в рыхлой, влажной, и насквозь торфяной, земле, неглубокую могилу мечом. Однако ни намёка на то, куда мог бы, и каким именно образом это удалось сделать так, что киммериец не заметил, скрыться предусмотрительный чародей, не нашлось. Не иначе, Паркентский вредитель отчалил, пока Конан мирно спал.

Да и ладно: биться насмерть на болоте... Бр-р!

На возвращение к исходной стоянке ушло не более получаса: всё-таки Конан, если брался за дело, делал его капитально – гать получилась отлично заметная и надёжная. С другой стороны, непонятно было, как в такой ...аднице какой-то купец рассчитывал проложить капитальную гать?! Даже трудно себе представить – сколько на это ушло бы строевого дерева, и без того достаточно редко встречающегося в этих краях: кривоватые и чахлые сосенки-арчи, чинары, и тополя и карагачи местных предгорных чащоб явно оказались бы не слишком хорошим материалом для этого... Особенно тополя: они-то гниют в воде за буквально считанные годы!

Задерживаться на месте ночёвки Конан не стал. Просто подобрал тщательно спрятанную суму, и закинул её на привычное место – за спину. После чего неторопливо двинулся назад, по направлению к городку. Но этого направления он придерживался недолго: вскоре, когда кончился отрог хребта, тянувшийся справа от дороги, киммериец повернул на восток. А вскоре – и на север.

Через час он убедился, что направление выбрано правильно: его ожидали.

Огромный матёрый волк злобно скалился, стоя к варвару мордой, и чуть присев.

Конан скинул суму наземь, плавно вынул меч, обходя странного стража по кругу.

Однако тот почему-то с места не сдвинулся. И даже не развернул к киммерийцу туловища: следил за движением врага, поворачивая лишь голову.

Конан, приблизившись ещё, понял две вещи. Волк очень стар: потому что только старые и матёрые звери достигают такого размера в холке – ему до бедра!

А ещё – волк в капкане.

Поэтому и не может развернуть к нему туловище: чудищные зубцы челюстей стальных захватов превращают каждое движение левой передней лапы – в мучения!

Киммериец хмыкнул. Волка, стало быть, можно просто обойти. Ну и поблагодарить – за то, что предупредил своим примером, какие ловушки и препятствия чародей выставил на дороге к запасному логову. Но...

Но бросить погибать вот так – от голода и жажды, без малейшего шанса, своего фактически северного собрата, пусть и неизвестно какими путями оказавшегося здесь...

Что-то в глубине гордой и независимой души варвара противилось этому изо всех сил!

Вздыхнув, он вернул меч в ножны. Выпрямился во весь

рост, и медленно приблизился, показывая зверю пустые ладони. Волк, переставший злобно рычать, и скалиться, смотрел с очевидным страхом и отчаянием загнанной в угол жертвы. Но имелась там и гордость – волк не скулил и не поджимал хвоста! Конан сказал:

– Во имя Крома. Ведь ты – с севера, значит, и ты – его создание!..

Если не будешь кусаться – я попробую освободить тебя.

Понял ли его волк?! Похоже, как ни странно – да! Потому что вздыбленная на загровке шерсть улеглась на место, и огромные зубы исчезли под краями рта! Похоже, страх перед врагом-человеком уступил место простой настороженности.

И ожиданию!

Помощи.

Киммериец так же осторожно прошёл вперёд, и опустился на колени у передней лапы. Его голова оказалась в пределах досягаемости страшных челюстей. Однако волк не сделал и попытки добраться до шеи варвара! Конан, осмотревший захваты, вздохнул:

– Прости. Но тебе сейчас будет очень больно. Потому что я должен открыть замок пружины. Ты уж потерпи!

Киммериец встал, взявшись руками за ствол ближайшего дерева – это оказалась берёза! – и упёрся в неё обеими руками. Каблуком сапога он что было сил нажал на солидную на вид пружину – не иначе, чародей рассчитывал на медведя или человека!

Со щелчком челюсти страшного орудия открылись, и волк выдернул лапу.

Однако зверь не убежал сразу. Вместо этого несколько секунд словно рассматривал варвара – будто старался запомнить!

Конан сказал:

– Лучше не на меня смотри, а сразу начинай зализывать. Ваши собачьи повадки я знаю отлично. Да и слюна у вас, говорят, целебная.

Волк развернулся, и на трёх лапах уковылял прочь. Конан снова нагнулся к капкану. Уже не торопясь разглядел конструкцию. И маскировку.

Ага. Вот, значит, как он был спрятан. Так, что даже волк, мастер уловок и выслеживания, не смог ни учуять, ни увидеть... Ай да чародей. Мастер, ничего не скажешь.

Подлого подвоха и ловушек.

Конан двинулся дальше.

По дороге ему попало ещё три капкана, одна ловчая, смертельно опасная, петля, и бревно-таран, с шумом выскользившее на тропинку, стоило ему кинуть камень поувесистей на подозрительное место в пяти шагах впереди. Ай да чародей – два!

Но всё равно через пару часов перед варваром открылась вполне проходима на вид долина, тянущаяся наверх с противоположной стороны хребта – вернее, кромки кратера. Он, всё так же внимательно осматриваясь, и пробуя по-

дозрительные места, свернул туда.

Ловушек больше не встретилось. Долина примерно выдерживала направление на север, что Конана вполне устраивало. Правда, ближе к вечеру густые заросли папоротника и кустов, и кривоватые деревца, покрывавшие её дно, поределли, и вскоре его взору представляли лишь голые скалы-стены, сходящиеся всё ближе, и становившиеся всё круче.

Решив, что раз после обеда прошло часа четыре, и других природных укрытий вроде таких удобных зарослей вряд ли попадётся, киммериец принялся за работу: стал рубить ветки и кусты. Через полчаса отличный, низкий, и совсем незаметный на фоне остальной растительности, шалаш, приветливо распахнул ему своё узкое, но уютное лоно. Варвар влез внутрь, прикрыл вход заранее приготовленной затычкой из цельного куста, перекусил, и... Позволил себе расслабиться и мирно заснуть.

Он был уверен, что в столь хорошо сделанном убежище его никакие летучие шпионы, даже и с великолепнейшим зрением, не обнаружат.

Ищи они хоть месяц!

Утром солнце не явило свой лучезарный лик глазам варвара. Вместо него по небу неслись, быстро подгоняемые западным ветром, сгустки серо-стальных облаков. А между стен ложины, превратившейся в самое настоящее горное ущелье, со зловещим присвистом и гулом задувал весьма хо-

лодный и неприветливый порывистый ветер.

А поскольку только-только начался август, Конану невольно пришла в голову мысль, что раз уж чародей владеет приёмами воздействия на погоду, то вот он, скорее всего, и решил «так сказать» подстраховаться: сделать приближение к своей запасной берлоге по меньшей мере – неудобным и затруднительным. Вроде того, что: «а вдруг не особо храбрый, не закалённый пронзительным холодом и прочими погодными катаклизмами, и, возможно, ещё и суеверный, наёмник – отступится?!»

После завтрака, когда Конан двигался дальше вверх по ущелью, перепрыгивая с камня на камень, и иногда переходя вброд небольшой ручей, текущий, как это обычно бывает, по дну такого ущелья, начал накрапывать, а затем и припустил как из ведра, настоящий ливень. Огромные холодные капли, бросаемые ветром прямо в лицо, заставляли варвара щуриться и отплёвываться, что, впрочем, ни на секунду не уменьшало его решимости дойти куда надо, и ни на йоту не уменьшило его умения бесшумно и уверенно двигаться по скользким и неудобным кручам: киммериец же!..

К обеду ливень прекратился. Но задолго до этого Конану пришлось-таки залезть на какой-то скальный выступ, чтобы переждать настоящий горный сель, мощным потоком смывший всё, что находилось на дне ущелья: редкие, больше уже похожие на кустики, деревца дикой алычи и урюка, кусты можжевельника, чахлую травку, оползни блестящего, словно

сланец, щебня, и даже кое-какие огромные замшелые валуны, оставшиеся, очевидно, после прохождения предыдущего потока.

Спустившись снова пониже, Конан двинулся дальше. Идти по дну ручейка после прохождения паводка было неудобно: мусор и какая-то мерзкая белёсо-зелёная слизь покрывали камни и скалы. Чтоб не оскальзываться, пришлось снять сапоги, и поработать более надёжными опорами: загрубевшими и цепкими тренированными ступнями.

Но вот наконец ущелье сузилось настолько, что ручеёк, в который теперь превратился ручей, совсем исчез под каким-то камнем: похоже, оттуда и выходил родник, дающий ему начало. Конан использовал источник, чтоб как следует напиться, и пополнить запас воды в бурдюке. Помыл и ноги, прежде чем засунуть их назад в сапоги – слизь, подсохшая на солнце, отваливалась от ступней мерзкими на вид и на ощупь, к тому же отвратительно воняющими тинной, струпьями.

Вскоре после этого варвар влез на очередную вершину – на разведку. Заглянул за гребень скалы. Хм-м.

До заката ещё оставалось часа полтора. Солнце отлично освещало панораму, лежащую перед ним: укрытая меж высоченных и кажущихся неприступными, гор и теснин, долина. Покрытая на выположенном дне мягонькой на вид зелёной травкой.

И, что странно – даже с пасущимися на ней барашком и

десятком овец.

А в центре ровного как стол, небольшого пространства – мирный миленький домик. Даже побелённый чем-то вроде извести. Ну ни дать ни взять – идиллия...

Призванная усыпить бдительность доверчивых и наивных простаков!

Конан поспешил присесть, и перевалить через гребень скалы назад: незачем вырисовывать свой силуэт на фоне неба! Однако и начать спускаться в обнаруженный «затерянный рай» варвар не торопился. Вместо этого он, высунув под прикрытием нависавшего камня голову над гребнем, принялся тщательно и придиричиво вглядываться в предстоящий спуск.

Н-да... В любом случае поход отсюда вниз наверняка не пройдёт незамеченным: вон сколько предательских оползней, только и ждущих малейшего прикосновения, чтоб с шумом ринуться вниз по склону. И ещё – сколько странных серо-белых нитей, вроде как от паутины гигантского паука, в беспорядке растянутых у земли!

Не иначе как это – устройства для сигнализации.

Чтоб оповещать обитателя, или обитателей домика о непрошенных гостях!

Или даже – самостоятельно уничтожать таковых. Если предположить, что масштабы паутины хотя бы примерно соответствуют тем тварям, что её соткали, паучищи должны быть... Как раз – с барана!

У Конана мелькнула шальная мысль: не эти ли монстры там, внизу, «пасутся», замаскированные хитро...опым гадом-чародеем под невинных травоядных?!

А что? Такая «шуточка» как раз в стиле коварного, но трусливого колдуна.

Или он только прикидывается испугавшимся Конана, чтоб ввести того в заблуждение, и заставить расслабиться от кажущейся лёгкости задачи?..

Перед варваром встала дилемма: если дожидаться ночи, то вылетят на разведку чёртовы летучие мыши, и чародею так и так станет известно о нём. А если пытаться прорваться сейчас... Неизвестно, с какими стражами ему придётся схватиться, прежде чем он доберётся до «домика», но заметит-то чародей его – в этом случае гарантированно! Ещё бы: фигуру киммерийца не увидит только совсем уж слепой!

Конан подобрал булыжник побольше. Прикинул вес и расстояние.

Изо всех сил метнул камень налево от себя: там вниз по склону скопище белёсых нитей казалось погуще: хоть одну-то из них задеть должно! Секунда, другая...

И точно – задел!

Варвар порадовался, что не полез сразу сам: внизу начался настоящий тарарам!

Он позволил себе снова чуть высунуть обмазанное на всякий случай глиной лицо сбоку из-за края спасительного валуна: ого-го!

С диким верещанием – словно стая взбесившихся по весне бабуинов! – толпа «овец», действительно превратившаяся в чудовищных пауков, неслась по направлению к застрявшему на полпути вниз камню!

А завяз тот капитально: похоже, липкость сторожевой нити была столь велика, что вес не меньший, чем у шакала, не мог преодолеть её, и заставить почти круглый булыжник мирно скатиться к зелёной травке «лужка». Фасадная, ровная, часть которого тоже превратилась в полигон, покрытый крючьями и зубьями – словно скрупулёзно построенная солдатами незабвенного короля Вездегета, оборонительная линия...

Монстры, размером оказавшиеся, к сожалению, не с барана, а с доброго телёнка, «настигли» Конановский булыжник. Похоже, он всё ещё пах его руками: твари попытались было укусить камень жвалами, а затем – и ужалить остриём размером с добрый кинжал, оказавшимся на заднем конце брюшка. Конан...

Почесал в затылке.

Но твари оказались отнюдь не глупы. Они быстро отступились.

Последовали ли какие команды из домика, или твари сами знали, что им нужно делать, но не прошло и нескольких секунд, как «стадо» оставило нарушителя спокойствия торчать в липких тенетах, и поспешно вернулось к «поеданию травы» в прежнем невинно-идиллическом облике.

А неплохо, будь оно неладно.

Ну и как ему быть?!

Ждать ночи – нельзя! Летучие.

Лезть напролом – тоже. Пауки.

Конан огляделся: не может такого быть, чтоб он чего-нибудь не!..

Валун на соседней вершине гребня поддавался его усилиям плохо.

Пришлось даже подрить наносы почвы и щебня со стороны долины мага, что лёжа делать оказалось непросто: ведь киммериец не хотел, чтоб его заметили.

Но зато уж вниз его новый «булыжник» покатился резво и громко: даже скала тряслась так, что Конан мог бы почувать и через сапоги. Если б не бежал в это время, снова скрывшись за гребнем, со всех ног – прочь: к следующему намеченному месту. Он даже не стал глядеть, как визжащая, словно гигантская стая гиен, толпа членистоногих снова ломится в бой, в погоне за его новой приманкой.

Через пяток минут он, убедившись, что этот «камешек» тоже, как ни странно, «завяз», и паучьи отродья вновь напали, «обломились», и вернулись к домику «пасться», превратившись в овечек, снова всё подготовил. И сдвинул, запустив вниз, новый камень.

Бежал Конан теперь в противоположную сторону: до очередного намеченного камня добрался через втрое большее

время. Но зато уж этот обломочек напоминал настоящий дом. Или хотя бы сарай.

Уж на этот раз варвар остался взглянуть: неужели такой огромный камень тоже – не прорвёт?!..

Камень прорвал паутину нитей. А, вернее, просто утянул её за собой, посрывав всю её плотную сеть с мест, где были закреплены концы паучьих тенет! И уже был на полпути к дому, когда на него напала тень.

Конан не удивился: когда-то же темник должен проявиться! А сейчас речь идёт о спасении имущества, или даже жизни его хозяина! Возник темник словно на пустом месте: просто встал на пути камешка, и преградил путь. Однако камень, на секунду словно застопорив свой ход, возник снова – с другой стороны тёмного облака, словно бы разочарованно полетевшего за ним. Конан не удивился: камень же – неживой! Следовательно, «проглотить» его тварь не может!

Камень докатился почти до самого домика, из которого вдруг вышел человек. Очевидно, сам маг.

Человек поднял руку, и остановил качение глыбы, которая могла бы легко раздавить его обиталище, буквально в десяти шагах от стены дома. Канаты из паутины, в которые камень обмотался, словно птица – в ловчую сеть, внезапно вспыхнули и... исчезли!

Но если Конан надеялся, что на восстановление сигнальной системы уйдёт много сил и времени, он капитально ошибся. Чародею достаточно было сделать пасс руками, и

что-то пробубнить себе под нос, и защитная паутина растяжек возникла вновь.

На старых местах.

Да чтоб ты провалился, поганец, любящий перестраховаться!..

Конан почувствовал раздражение и злость.

Но – нет.

Он так просто не сдастся!

Собрать достаточно валежника, чтоб «скатать» огромную шаровидную конструкцию в стиле «перекати-поле» оказалось трудно. Ещё бы: в окружающих долину мага горах как нарочно росли лишь чахлые кустики, да колючки! Поэтому кое-что варвар повырубал в соседней, не столь глубокой и «плодородной» долине, а кое-что, конечно, пришлось добыть, просто вернувшись назад. Но через час его «брандер» был готов.

Конан достал из сумы кремень и кресало. Высек искру на трут. Раздул вспыхнувшие крохотные язычки, и всунул вглубь шарика, высотой достигавшего ему по пояс. Мысленно помянув Крома, своего небесного покровителя, перевалил своё творение через гребень, и запустил вниз.

Глядеть, как от встречного ли ветра, или от сухости соломы, которую он положил в центр, пламя тянется за разгоревшимся не на шутку шаром на добрых пять шагов, оказалось приятно.

Не менее приятно оказалось наблюдать, как новая, «свеженаколдованная», паутина – вспыхивает, словно фейерверки из далёкого Кхатая, и с сухими щелчками и треском разлетается серой пылью! А видеть, как чешут прочь, словно от колесницы самого Мардука, чёртовы отродья-пауки, вообще оказалось восхитительно.

А ещё восхитительней оказалось пронаблюдать, как погиб снова вставший на пути ревущего огненного шара, темник: едва сполох огня коснулся чёрного тела, оно вспыхнуло ярче солнца, и... Исчезло, рассыпавшись миллиардами серых пылинок!

Однако Конан не стал дожидаться окончания спектакля, когда маг лично остановит и его огнедышащий подарочек: со всех ног он бросился в ту самую небольшую соседнюю долину, и с её гребня побегал прямо к погружившемуся уже в предзакатную черноту, дну: там он заметил весьма подходящую чашу из кустов и карликовых деревьев.

Сделал он это очень вовремя: не прошло и минуты, как солнце ушло за основной хребет, и наступили сумерки. Тот час где-то в долине мага заверещали, запищали и заревели, перекликаясь, стаи вылетевших в ночной дозор, рукокрылых.

Варвар не стал ждать, пока они появятся над головой, а, едва добежав, начал что было сил прорубать себе проход вглубь зарослей отвратительно колючей акации и кустов дикой ежевики! Там он лёг наземь, и продолжил углубляться в

чашу уже на животе.

Похоже, его тактика сработала: крики, раздавшиеся спустя всего пару минут над головой, казались наполненными разочарованием и растерянностью. Может ли чародей смотреть на то, что творится в его владениях глазами своих слуг? Конану случалось сталкиваться и с такими способностями. Ведь чтобы захватить и поработить – будь то целый мир, или просто отдельная страна! – волшебник обязан реально обладать сверхсилами и сверхспособностями. Ну и, конечно, преданными тварями и слугами-осведомителями.

Чтобы в любой момент знать о готовящихся нападениях, или опасных претендентах на его тёплое местечко!

Иначе – какой же он кандидат на звание «Владыка мира и его окрестностей»?!

Конан ещё послушал, как перекликаются и иногда проносятся прямо над головой так ничего и не нашедшие, и иногда настойчиво – словно методично пропускающий через уток и основу снава и снова свой челнок, ткач – возвращающиеся мыши-разведчики, и...

Мирно уснул.

Разбудил его вой ветра и удары грома.

Разразилась такая буря, какой ещё свет (или Паркент!) не видели! На заросли киммерийца обрушились сплошной стеной буквально потоки ледяной воды! Ветер тряс прикрывавшие его сверху кусты так, что, казалось, сейчас они и Конан улетят к самым, почерневшим, подобно бездонным пучинам

Шианнет, небесам!

Конан покачал лохматой головой: ну и дурачок же этот маг, если рассчитывает такими примитивными способами поколебать его решимость!

Не торопясь он приподнял тело из натекшей под него лужи, и... Просто передвинулся выше по склону.

А что: он, бывало, спал и не в таких условиях!..

Утром для разнообразия светило солнышко, и тишина над зарослями, в которых он скрывался, стояла буквально оглушительная – даже мухи не летали!

Конан пошкрёб ногтями в отросшей на подбородке щетине: вот чует его ...адница, что что-то – не так! Неужели у гада-мага припасено и третье запасное логово?!

Но если про первое он узнал от непосредственных свидетелей, про второе – наслушался легенд и побасенок ещё в соседнем Шеме, и получил намёк от бедолаги – придворного чародея, то где расположено третье, придётся выяснять уже самостоятельно.

А поиски наугад смысла не имеют – долго и хлопотно.

Жить в берлоге, вокруг которой не сложено массы преданий, и не ходит дурных слухов, может, и безопасно... Но вот – не соответствует оно менталитету злых чародеев: о них, будущих Властителях Вселенной, должны знать, и шёпотом передавать друг другу страшные сказки, жители всех окрестных поселений!..

Варвар тем не менее спешить не стал: подкрепился от души вяленным мясом – его запас оказался ещё вполне ничего себе! – напился вволю из пополненных запасов бурдюка. И двинулся тем же маршрутом, что и вчера: вглубь гористой местности. На логово мага он собирался теперь взглянуть с противоположной его стороны.

С верхнего конца малой долинки прямой видимости в долину мага не обнаружилось. Пришлось перебраться через ещё один перевал и хребет. А к гребню очередной горы – подбираться ползком. Но такая тактика себя оправдала: его явно никто не заметил. Потому что и овечки и ловчья полоса из паучьих нитей снова были на своих местах!

ХМ-м...

Значит ли это, что маг решил, что его противник сдался и ушёл? Вряд ли. Маг наверняка знает основные привычки Конана: тот будет пытаться выполнить порученную работу добросовестно. То есть – до конца. В-смысле, до конца жизни его – мага!

Нет, колдун вряд ли считает Конана – трусом или глупцом. Вероятней всего тут приготовлен другой сюрприз. Например: Конан с огромными трудностями пробивается к хижине, а там...

А там – никого нет!

Чародей затаился в тайнике. Или удалился в запасное убежище, вероятней всего, спрятанное внизу: под почвой долины.

Потому что нет для чёрного мага ничего любимей и привычней, чем сырые и запутанные тёмные подземелья!

Посопев и раздражённо подёргав щекой, Конан отступил, и спустился назад в долину: нарубить побольше смолистых веток на факелы.

Через гребень он перевалил практически не скрываясь. Ткнул уже зажжённым факелом в ближайшую серебристо-белую паутинную нить. Та, как и в прошлый раз, вспыхнула, передав импульс остальным нитям. И те рассыпались с хлопком в серый порошок.

Конан продолжил спуск, с подозрением глядя на барана и его овец.

Но те оказались учёными: вначале долго его рассматривали.

Этой форы Конану оказалось достаточно: он приблизился настолько, что смог прицельно метать кинжалы, которыми был щедро оснащён его любимый пояс.

Работал Конан спокойно и методично: десять стальных зубьев – десять поражённых тварей! Одиннадцатого монстра – барана! – варвар просто насадил на меч, не без отвращения пронаблюдав, как из раны на вздутом брюшке потекла омерзительная молочно-жёлтая жижа: не то гной, не то – кровь уродливого чудища!

С противным чавканьем тварь сползла с острия, когда киммериец опустил меч вниз. Устрашающего вида жвала всё

ещё продолжали трепетать и двигаться в тщетной попытке добраться до врага.

Конан оглядел поле битвы: только три из поражённых паучьих отродий пытались ещё как-то достать до него. Подойдя, он просто отрубил им головы. Отрубил и остальным поверженным: мало ли! Вдруг – коварно прикидываются?!

И только после этого он вынул из хитинисто-волосатых тел драгоценные метательные кинжалы и тщательно отёр о землю. Спрятал аккуратно в гнёзда на широком поясе, которым был теперь опоясан. Проверить, легко ли футовые лезвия выходят из своих ячей, не забыл. Двинулся к двери домика.

На пороге пришлось остановиться, чтоб глаза привыкли к полумраку. Но когда Конан вошёл, никакого чародея внутри, конечно, не оказалось. Вместо него киммерийца поджидали трое воинов: самого свирепого вида, и в полном вооружении. Сабли оказались в руках, и щиты надёжно прикрывали тела.

Варвар сразу догадался – это те, похищенные темником на базаре! Но...

Может, они ещё в состоянии понимать его?

Нужно попробовать. Потому что убивать ни в чём неповинных, кроме того, что, насколько он мог судить, позволили себя заколдовать, солдат, не хотелось бы. Он поднял правую руку вверх, показав, что в ней нет оружия:

– Это вы – воины из стражи наместника Паркента?

– Да, чужеземец.

– И чего вам от меня надо?

– Убить тебя!

– Но почему?!

– Потому что ты хочешь убить нашего повелителя, великого и богоподобного Лая!

– А почему вы думаете, что я хочу убить его?

– Он сам нам так сказал!

– Понятно. А... Скажем, попытаться уговорить вас не убивать меня я не мог бы?

– Нет! Довольно слов! Защищайся, проклятый наёмник!

Конан подумал, что действительно: слов было сказано даже больше чем надо. Но...

Но обычно его враги, или слуги магов, желающие «просто убить» его, так много не разговаривают. Значит ли это, что он может попытаться...

Как-нибудь расколдовать их?!

Впрочем, этот вопрос быстро отошёл в область теоретических, потому что на него напали с трёх сторон, и напали профессионально! И варвару пришлось даже отступить из хижины – на оперативный, «так сказать», простор!

Здесь его тяжёлый, но более массивный меч можно было использовать куда эффективней, чем в тесноте комнатёнки, где удары лёгких сабель так и сыпались со всех сторон! Ему даже нанесли пару царапин: не смертельно, конечно, но – обидно!

Теперь Конан не церемонился: перерубил одну из сабель

у рукояти, и треснул её слегка растерявшегося хозяина мечом по голове: плашмя, разумеется – иначе тот оказался бы располовиненным до паха! Второго удалось остановить подножкой, и солидным пинком в печень, пока бедолага пролетал мимо.

С третьим пришлось повозиться: воин попался немаленький и неробкий. Обращаться с саблей и кинжалом, теперь зажатым в другой руке, умел. Но и киммериец не зря провёл лучшие годы в неустанных битвах и работе. Потому что если б не блистательное умение владеть любым оружием – жизнь его давным-давно... Вот именно.

Последнего нападавшего Конан исхитрился обмануть.

Варвар вдруг остановился, отскочив от сардора, поднял глаза на дверной проём, и как бы удивлённо крикнул, разведя руками:

– Слушаюсь, господин! Раз вы приказываете – не убью!

Не оглянуться за спину на такую провокацию мог бы наверное, лишь гений предусмотрительности и сообразительности. Каковым заколдованный воин явно не являлся.

Ну вот и получил удар огромным кулаком в темя – прямо за ухом, у кромки шлема. После чего отправился мирно «досыпать» на травку поляны – где уже корчился от боли второй воин, и лежал, словно срубленный ствол, первый.

Конану осталось треснуть стонущего мужчину по голове тоже, и крепко связать всю троицу их же поясами, и кусками верёвки, что имелась в его необъятной суме – киммериец

припас её в том числе и для таких случаев. Убедившись, что воины упакованы надёжно, и даже зубами друг другу пути не развяжут, Конан вернулся в хижину.

За первой, ничем не заинтересовавшей его комнатой с огромным очагом-печью и простым дощатым столом у окна, и со стоящими рядом лавками, обнаружилась вторая – вероятно, опочивальня мага. В убранстве этой главенствующее место, похоже, занимал тоже стол – огромный, почерневший от пролитых на него колдовских снадобий-зелий, и даже с кое-где проеденными ими насквозь, дырами. О том, что весь он был уставлен разными сосудами, стеклянными и керамическими, и странными приборами, и говорить не нужно: иначе какой же это стол чародея?!

Киммериец довольно долго оглядывал каморку: простая походная кровать в углу, узкая, вряд ли особо удобная. Тюфяк-матрац, набитый соломой. Прикрыт застиранной линялой тряпкой-простынёй не первой свежести. Два табурета, слегка искривлённых и явно скрипучих. На стенах, и под потолком, за досками стропил – веники и пучки высушенных трав. В углу – сундук. Тоже наверняка набитый бутылочками с зельями, мешочками с сушёнными крысиными хвостами, толчённой «печенью единорога», пеплом священного папируса, разными магическими амулетами, книгами, и прочей бессмысленной чепухой.

Вздыхнув, киммериец подошёл к сундуку. Да, втроём такой как раз можно...

Он довольно легко справился и один.

Лаз, открывшийся его взору, даже не был прикрыт крышкой: Конана словно приглашали!..

Ох уж эти чародеи. Всё-то у них – стандартно. Предсказуемо. И... Скучно.

Конан вернулся в первую комнату. Пошарил за печью. Есть! Ну правильно: ведь маг – не маг, а кормить воинов, которые ещё во плоти, нужно чем-то вполне реальным!

Жаль, конечно, жертвовать явно уворованным с базара мешком пшена, но – жизнь дороже. Подумав, он прихватил и полмешка риса, стоявшего тут же, в углу.

Первым в зев подземелья полетел мешок с рисом. Ну и – ничего. Мешок так и остался лежать на дне, у основания деревянной лестницы, ведущей на глубину добрых трёх его ростов. Варвар скинул и мешок пшена, после чего спустился сам.

Нормальное подземелье: проход в обе стороны. Ну правильно: чтоб ему было повеселей! А то как-то слишком просто получалось бы!..

Пойдёт-ка он для начала – направо.

Закинув за спину оба мешка, и подняв над головой чадящий факел из корявой ветви можжевельника, Конан шагнул было вперёд. Э-э, нет! Вон тот участок пола... Как-то он подозрительно выделяется! И цветом, и структурой.

Конан бросил вперёд, на странный квадрат, мешок пшена.

Люк открылся, мешок провалился. Люк закрылся обрат-

но.

Конан выругался – про себя. Подошёл ближе, встал на колени. Попробовал нажать на крышку: подаётся легко! Но... Но до мешка – как до луны: он «почил», напоровшись на острые деревянные зубья, на глубине добрых десяти его ростов!

Проклятье! Бэл его задери! Кто же копал такой глубокий колодец?! Не иначе – те бедолаги, что связанными лежат сейчас там, снаружи.

Хм-м... А маг-то... Не ограничивается полумерами. Нужно иметь в виду.

Через предательскую крышку люка Конан перепрыгнул: два шага для него – ерунда! Но вот дальше... Дальше пришлось кидать вперёд последний мешок.

Этот остался лежать на странном участке пола коридора, заваленный теперь сверху грудой камней – размером с того же доброго барана!

Варвар позволил себе поругаться вдоволь – теперь уже вслух.

Неграл его задери!

Ему попался методичный и последовательный мерзавец. Перестраховщик. Ну а о том, что он очень дорожит своей шкурой, можно и не говорить. Отсюда мораль: ловушки на-верняка не кончились.

Придётся вернуться: он видел в закутке за печью мешки с машем и коноплём...

Спустя два часа, обливаясь потом, моргая от едкого дыма догоравшего десятого факела, и проклиная хитро...опого мерзавца, Конан обнаружил, что сделал полный круг – и вернулся к лестнице уже с другой стороны. Обход тёмного и сырого подземелья потребовал ещё одного мешка – с конопляным семенем! – а мешок с машем варвар так и принёс снова к лестнице.

Ну, что теперь? Может, ещё и поставить мешок на место за печь?!

Делать нечего: придётся вылезти. Хотя бы чтоб отдышаться. И пообедать.

Обедал Конан прямо за столом в первой комнате. На стены и неразборчивые из-под кляпов ругательства упакованных сардоров внимания не обращал. Иногда, правда, варвар бросал заинтересованные взгляды на печь.

Собрана явно из саманных кирпичей. Даже не обожжённых. Да и зачем? Ведь земле не страшен огонь. Печь походила на универсальную: какая-то странная комбинация – и плиты и печи. Такие он видел в далёкой Немидии. Можно и спать, если зима выдалась особо лютой – вон там, наверху. А можно и еду готовить: вон на тех конфорках, на выположенной как бы плите...

Странно.

Закончив трапезу, Конан подошёл ближе, и влез с очередным факелом буквально в самый зёв.

Ага!

Вот как маг ушёл.

В дальнем углу топки имелся колодец. Наверняка ведущий в *настоящее* подземелье!

Ну-ка, где тут наш любимый неиспользованный мешок?!..

Крышка вертикального глубокого колодца оказалась из дерева – это сказало Конану о том, что на самом деле огонь в *этой* топке не разжигался никогда. Да и ладно. Главное – что спуск в тёмное пространство подземелья он предварил традиционным сбросом мешка с машем. Мешок... опять уцелел.

Тогда варвар и сам спустился по узкой – только-только ступню поставить! – длиннющей лестнице, имевшейся внутри. Он насчитал шестьдесят ступеней. Та-ак, это, стало быть, если считать по локтю на ступеньку... Восемь его ростов. А прилично!

Коридорчик, открывшийся у основания лестницы, оказался узким и тесным. Сырой землёй воняло ещё сильнее, чем в первом, ложном, подземелье. Но зато проход был один. Киммериец не торопясь, поминутно оглядываясь, и приближая ко всем подозрительным местам чадающие и трескучие от смолы факелы, двинулся вперёд. Ход шёл, насколько он мог судить, прямо под главный хребет. И точно: скоро пошёл лаз, выдолбленный в скале!

Внезапно пространство и без того чёрного тоннеля впереди ещё потемнело: киммериец понял, что перед ним опять

возник темник! Варвар мгновенно разделил две ветки, что держал пока как один соединённый факел, и метнул тот, что побольше, в темника!

Ох и полыхало!

Конану пришлось даже отбежать, ругаясь и шипя от боли в обнажённой груди и лице: он точно остался без бровей и части волос! Да и лицо теперь – наверняка красней, чем внутренности рыбы-палтуса!..

Но сгорел очередной темник очень быстро, так же оставив после себя на полу тоннеля лишь серую пыль и мерзкую слизь...

Сердито отдуваясь, и щурясь – вспышка на долю секунды лишила-таки его кошачьей остроты зрения! – варвар снова двинулся вперёд.

Странно. Вроде, маг не мог не понимать, что в тёмные тоннели и проходы Конан не ползет без открытого огня. И уж он-то отлично знает, что его детище против этого самого огня не выстоит! Зачем же посылать столь преданного и ценного слугу на верную смерть – без единого шанса?!..

Конан остановился. Проверил ещё раз своё хозяйство: меч, кинжалы, связка сучьев и нарубленных стволов арчи, сума за плечами... Всё, вроде, на месте. И в скале ловушек не больно-то понастроишь... Но вот чует его ...опа – что-то не в порядке!

Варвар привык доверять своим инстинктам, а потому очень быстро, почти бегом, кинулся, как шёл – согнувшись

в три погибели, назад – к лестнице.

И вовремя!

Глухой шум стало слышно лишь вблизи: это сверху в колодец летели камни и кирпичи, и просто – комья земли! Значит, проклятый хитрец как-то заглушил предательские звуки!

Ещё минута – и лаз оказался бы полностью заблокированным выросшей у его основания почти до потолка тоннеля, кучей!

Сжав зубы и прищулив глаза, Конан ринулся вверх по ступеням, пытаясь всячески увернуться от сыпавшихся сверху предметов и комьев, и отплёвываясь от набившейся тут же в рот и нос, пыли. Тяжёлые удары по голове и плечам лишь пришпоривали его мысли и движения: нельзя терять сознание, и уж тем более – останавливаться!

Он молил Крома лишь об одном: чтоб те, кто орудовал там, наверху, не догадались разломать саму лестницу!

Но, вероятно, маг установил лестницу надёжно. Или заколдовал. Так, чтоб никто ни при каких обстоятельствах не мог её испортить. Предусмотрительно, конечно...

Но в данном случае – в пользу Конана!

Когда он появился, словно грозный бог подземного мира Мардук, в туче пыли и весь – в земле, воины, которые уже доломали разломанную самим варваром перед спуском печь, и теперь скидывали вниз и её обломки, дробя кирками (один), и сбрасывая лопатами, (остальные двое!) и земляной

пол хижины, невольно отпрянули!

Конан с рыком, достойным действительно – Мардука, исправил свою ошибку: поотрубал головы с лицами, на которых застыло выражение фанатичной преданности.

Заодно дал себе слово: никогда больше не пытаться «вернуть в нормальное состояние» тех, кого очередной сволочь-чародей заколдовал. Себе дороже выходит!

Только когда обезглавленные тела попадали наземь, варвар протёр засорённые и слезящиеся глаза. Потряс головой: из лохматой шевелюры высыпалась настоящая груда песка и земли. Да и тело... Грязища! Бэл его раздери!

Ладно, теперь хорошо б хотя бы... Помыться.

А то стыдно даже перед чародеем – не то, что перед самим собой!

Никакой чародей, разумеется, при выходе из хижины не обнаружился: ещё бы! Конан уже понял, что тот трусоват, и в открытый бой вступить лично – просто не осмелится.

Чтобы помыться пришлось спуститься в дальний конец долины: там берущий в её противоположном, верхнем, конце, ручеёк, образовывал настоящий маленький пруд.

Когда Конан, скинув пояс с кинжалами, штаны и сапоги, влез в воду, вокруг него расплылось безобразное чёрно-коричневое пятно. Он безгласно отодвинулся подальше: на чистое место. Окунулся. С наслаждением протёр себя руками: до чего приятно чувствовать, как растворяются и отлипают

комья и грязь, в которую превратилась от его же пота пыль! Варвар снова, уже надолго, погрузил в воду голову – чтоб окончательно вымыть из смоляных жёстких волос всю труху и землю.

Когда вынырнул, обнаружил, что от пояса с кинжалами, меча и одежды, его отделяет фигура в чёрном плаще: маг собственной персоной!

Конан долго ничего не говорил, и даже из воды не торопился вылезать, так и оставаясь стоящим в пруду по грудь. Зато лицо мага, отлично освещаемое предзакатным солнцем, изучал пристально: точно! Этого мерзавца он раньше где-то!..

– В Бритунии, Конан, в Бритунии. Ты тогда убил моего учителя, Великого Упсалу. За что тебе, кстати, большое спасибо. Потому что под старость лет эта сволочь стала раздражительной и нервной. Меня, как ученика, колдун тогда гнобил и унижал особенно сильно. А уж как чародей боялся тебя!.. Кто-то там, какой-то древний дух, обитавший в его магических предметах, нагадал, что он погибнет от рук сурового северного воина с огромным мечом. И что даже всё его наследие будет уничтожено – тем же северянином.

А поскольку я не без некоторых, – маг позволил себе невесело и криво ухмыльнуться, – оснований считаю себя наследником Упсалы, естественно, что я тоже имел причины бояться тебя! Поэтому – уж не взыщи. Я убью тебя.

Конан молчал, выжидая. Ну вот не может такого быть,

чтоб маг не приготовил на прощанье чего-то *этакого*. Оригинального и пафосного. Позволившего бы порисоваться.

Хотя бы перед самим собой!

Все они этим грешат!

И точно. Маг, видя, что варвар не отвечает, спросил:

– Может, последнее желание? Женщину? Вкусный обед?

Кувшин вина?

– Пожалуй. Насчёт кувшина доброго вина – хорошее предложение.

– Без проблем. Только... – и уже совсем другим тоном, в глубине которого звучала не ирония, а – сталь, – Выйди из воды, подняв руки – так, чтоб я их видел!

Конан, криво усмехнувшись, нарочито медленно двинулся вверх по пологому илистому склону, молясь про себя лишь об одном: только бы не поскользнуться! Но всё прошло благополучно: он выбрался из воды без осложнений. Стоя на песчаной отмели, киммериец чувствовал, как его рассматривают. Но не подал виду, что его это бесит, потому что знал – маг только этого и добивается!

Даже руки варвар держал так, как приказал маг: ладонями вперёд и вверх.

Маг, шагах в пяти от которого киммериец теперь стоял, остановленный жестом ладони, довольно долго изучал взглядом обнажённого киммерийца: словно какой-нибудь коллекционер – редкостное украшение. Поцокал губами. Сказал тихо, обращаясь словно к самому себе:

– Надо же, *какая* фигура... Ты действительно выглядишь, как настоящий мужчина: мускулистый, пропорциональный, целеустремлённый. Лицо грубовато, но по-своему красиво. Я бы тоже хотел... Но – специфика, сам понимаешь! Или ты накачиваешь мышцы: в сотнях боёв и походов. Или уж – мозги: в тиши каморок и подземелий, в сотнях часов зубрёжки рун древних фолиантов...

Конан промолчал.

– Жаль, не удастся перевербовать тебя, или сделать своим рабом, как вон тех, – маг презрительно кивнул за спину, – Но это не получилось бы с тобой. Слишком сильная воля, слишком независимый нрав. Гордость.

Конан промолчал и на это. Он просто смотрел магу в глаза.

Маг вздохнул:

– Хорошо, Конан. Вот тебе твоё вино!

Но когда маг поднял руки, и раскрыл было рот, чтоб сделать уже знакомые Конану пассы, стремительная молния метнулась к его груди откуда-то сбоку: Конан разглядел недавнего знакомого: огромного волка!

Маг, однако, не был удивлён или сбит с ног: он оказался защищён чем-то вроде невидимого кокона, оболочка которого вдруг вспыхнула голубыми искрами и сполохами!

И тело нежданного помощника, налетев на невидимую до этого преграду, с воем и треском отлетело назад!

– Неплохо. *Так*, с напарником-волком, на меня ещё не пы-

тались нападать! – маг покачал головой, – Но от прикосновения *живых* я надёжно защищён! – тут чародей поднял руки, явно готовясь расправиться с рычащим и злобно скалившимся животным, тщетно пытавшимся прорваться к телу врага сквозь вновь ставшую невидимой, защиту!

Конану так не хватало именно этого: чтоб кто-то, или что-то – хотя бы на краткий миг отвлекли внимание колдуна от рук киммерийца!

Варвар не стал спрашивать, защищён ли маг от «неживых»: вместо этого он, до этого постепенно, как бы осознав бессмысленность сопротивления, опустивший руки вниз, довёл до конца долго подготавливаемое движение, и без замаха от бедра метнул кинжал – один из тех, что обычно хранились в голенищах его сапог!

Маг схватился за грудь: именно туда, пронзив худощавое тело насквозь, вонзился злой стальной зуб! Расширившиеся глаза сказали Конану, что он застал мага врасплох!

Хрипящий и хватающий ртом воздух Лай передвинул ладони на рукоять...

Однако ни сказать что-то, ни вынуть кинжал чародей так и не успел: словно поняв, что чары сняты, волк кинулся на чародея, и сбил-таки с ног! Встав над телом поверженного врага, он, теперь беспрепятственно, dokonчил дело: мощные челюсти в одно краткое мгновение перегрызли горло колдуна!

Конан, уже не торопясь, взглянул наверх, мысленно исто-

во поблагодарив своего сурового покровителя – Крома! Он не сомневался: это именно его Небесный защитник послал ему столь странного напарника! Этого волка!

После краткой мысленной благодарности варвар прошёл три шага, отделявшие его от лежащего на земле и ещё хрипящего тела. Наблюдать агонию совсем уж было расслабившегося и торжествовавшего победу перестраховщика Конан не стал. Тем более, что он, в отличии от большинства своих противников-колдунов, не получал наслаждения от наблюдения за страданиями жертвы.

Вместо этого киммериец повернулся к серому напарнику, и сказал:

– Спасибо. Ты пришёл вовремя.

Волк, разумеется, не ответил, но посмотрел киммерийцу в глаза.

Конан кивнул ему.

Повернулся снова к поверженному трусу. Тот явно умирал. Тогда Конан вынул из голенища лежащего сапога второй кинжал, и перерезал до конца всё ещё слабо трепещущее горло. С позвоночником пришлось повозиться – всё-таки – не меч! – но он справился.

И вот уже остекленевшие глаза чародея смотрят в его глаза с высоты зажатой в руке отсечённой головы, которую киммериец держит за волосы. Но прежде чем обратиться в последний раз к поверженному магу, Конан глянул на «напарника»:

– Тело – если хочешь – твоё!

Волк, сразу резко, словно презрительно, отодвинувшийся от туловища, снова посмотрел варвару в глаза.

Конан хмыкнул:

– Согласен. Я тоже не стал бы *такого* есть!

Он повернулся к голове, где ещё светились странным блеском глаза:

– Отвечаю на единственный, и наверняка мучающий тебя вопрос. Киммерийцы *никогда* не лезут в воду, не прихватив оружия. Хранят его воткнутым в ил между ног. А где спрятали, вылезая из воды...

Зажал между ягодицами! Тренированные мускулы. Всё ясно?

Странно, но глаза мигнули.

Конан кивнул:

– Ладно. Нехорошо издеваться или глумиться над мёртвыми. Но если б я спросил о *твоём* последнем желании, ты бы насторожился. И мне не удалось бы так просто убить тебя, – Конан не извинялся и не старался оскорбить мертвеца. Он просто констатировал факт, – Итак. *Твоё* последнее желание!

Голова промолчала. Но – Конан мог бы поспорить на остаток своего гонорара! – глаза сменили выражение удивлённого гнева на – просто ненависть.

Откровенную и понятную.

Однако киммериец вовсе не был в претензии.

Ненавидеть его – право каждого. Чародея. Будь то – живого, или мёртвого.

Он положил голову рядом с собой на траву, и полез в суму: где-то там, в её необъятных недрах, хранилось всё необходимое и для таких случаев.

Последнее прибежище очередного несостоявшегося Властелина Мира: простой полотняный мешочек, наполненный самой обычной солью...

Ему нужны «доказательства».

А наместник наверняка отлично помнит лицо наглого чародея.

Тайную долину они покинули, двигаясь рядом. Перед походом вполне спокойно и мирно пообедали вяленным мясом из Конановских запасов. Зверь спокойно шёл у ноги киммерийца, всем видом показывая, что совсем не боится того. Конан понимал, что на перекрёстке они расстанутся, потому что слишком разные у них пути и судьбы.

Но он был рад, что судьба, или небесный Покровитель свели его с мужественным и надёжным другом хоть на краткий миг.

И он совсем не жалел о предстоящем расставании: ведь они, работая «командой», добились того, чего хотели!

Один из них – отомстил!

А другой – честно заслужил свою плату!

2. Конан и Опал Нэсса.

«... и будет богатой и благополучной жизнь жителей страны,

когда опал получит, что предназначено ему Скрижалями, и Избранные двенадцать взойдут на моё ложе!»
(Из Кодекса пророчеств Тимуды Несравненной.)

– Стой, где стоишь, или превратишься в дикобраза!

Конан аккуратно поставил на землю приподнятую было ногу.

Неторопливо повернулся, не забыв, впрочем, проверить, торчат ли из голенищ сапог рукоятки верных кинжалов, и удобно ли будет, если понадобится, выхватить меч. Его поразило не столько то, что он, опытный воин, вор-профессионал и следопыт, не обнаружил присутствия врагов, сколько то, что голос звучал тоненько-пискляво, и слышался словно от земли – как если бы говоривший сидел, и был маленьким ребёнком.

Поэтому картина, открывшаяся его взору, не явилась для варвара сюрпризом: человек, который отдал ему приказ, оказался карликом, и его рост не превышал трёх футов. Впрочем, при более внимательном осмотре странного воина выяснилось, что тот всё же не совсем карлик – у тех головы как у обычных людей, а тело непропорционально мало – а, вроде, лилипут. Всё в его фигуре казалось вполне пропорцио-

нальным: и голова, и торс с жилистыми руками, держащими небольшой лук с наложенной стрелой, и ноги, обутые в миниатюрные, но хорошей выделки, сапоги.

– Это ты, что ли, собрался утыкать меня стрелами? – в голос Конан старался сарказма или иронии не подпускать, чтоб ненароком не обидеть кроху, хотя ему уже стало смешно. Смешно от нелепости ситуации: как если бы белка сказала тигру, что сейчас она его загрызёт!

Его собеседник отнёсся к вопросу серьёзно: махнул рукой, и приказал:

– Бойцы. Покажитесь.

Из-за кустов с обеих сторон прогалины бесшумно вышли, или с земли поднялись, около двадцати лучников. Выражения лиц у них оказались достаточно свирепы, чтоб Конан поверил, что они и правда могут пострелять в него. И не успокоятся, пока не достигнут того эффекта, который обещал предводитель. Поэтому он кивнул:

– Я понял. И чего вам от меня надо?

Предводитель, казалось, опешил на долю секунды. Потом вновь нахмурил брови:

– Нам – ничего. Кроме того, чтоб ты объяснил, какого Варкисса *ты* зашёл на нашу территорию, и чего *тебе* здесь надо?

Конан невольно почесал в затылке. Но врать смысла не увидел:

– Собственно говоря, я иду за опалом Нэсса. Мы кое с кем

договорились, что я достану этот камень из заброшенного Храма Пурха, и этот «кое-кто» отвалит мне за него немного денег. Или много. Это уж, смотря на чей взгляд.

– Так, понятно. А почему ты не спросил нашего разрешения на проход через нашу территорию?

– А потому что до вот этой самой минуты я и не знал о вашем существовании. Меня никто не предупредил о том, что этот лес – чья-то собственность. Но если дело только в этом, я готов исправить ошибку: я, Конан-варвар, приношу свои искренние извинения, что вторгся в ваши владения без спроса. И прошу вашего разрешения на проход через вашу территорию! – Конан всегда считал, что глупо завязывать бой, когда можно попытаться договориться. Да и не хотелось ему этих милых бедолаг убивать.

Предводитель, казалось, смутился ещё больше. Потом глянул на своих подчинённых, и жестами подозвал к себе троих более пожилых мужчин отряда. Они о чём-то оживлённо зашептались, изредка бросая на киммерийца сердито-настороженные взгляды.

Затем троица расступилась, и предводитель вышел чуть вперёд:

– Мы, вообще-то, торгуем с людьми из Шопесты. И они отлично знают и нас, и наши правила. Так что нам непонятно, как они могли тебя не предупредить... Но мы знаем и тебя, Конан-варвар. И верим тебе на слово. Потому что ты – человек чести. Поэтому если ты пообещаешь, что не тро-

нешь наших селений, и не будешь покушаться на наших женщин, мы разрешим тебе проход через наши владения, и даже дадим проводников – чтоб ты скорее вышел на путь к Храму. Устраивают тебя наши условия?

Конан огромным усилием сдержался, чтоб не рассмеяться от души.

Их женщины! Покуситься на крошек, едва ему по пояс!.. Ха! Но...

Может, они действительно, искренне верят в то, что их женщины – самые желанные и красивые?!

Да и на здоровье! Ему разные экзотические туземочки, разумеется, нравятся, но – трёхфутовые!.. Это уже перебор.

– Я, Конан-киммериец, обещаю вам, что не буду покушаться на ваших женщин. И селенья ваши не трону.

Четверо командиров переглянулись. Предводитель сказал:

– Принято.

Все остальные воины словно расслабились, и некоторые даже стали засовывать стрелы назад в колчаны, и вешать луки через плечо. Конан подумал, что они, похоже, и правда его знают. И доверяют.

Надо же. Как далеко и широко разошлась молва о нём...

Поэтому он протянул руку:

– Конан!

Предводитель пожал её:

– Мэрдок.

Подошли и остальные трое. Конан познакомился с Лайоном, Вудро и Томом.

– Вудро и Том проводят тебя до границ наших владений. А нам нужно продолжать дежурство. Так что извини – и прощай! Удачи тебе.

А деловой подход. Конан благодарно кивнул, и не без интереса проследил, как крошки бесшумными тенями словно растворяются в гуще леса. Он не удивился, что это произошло так легко: весь костюм воинов весьма подходил для маскировки: по общему охристо-бурому фону камзолов, рубах и штанов были разбросаны зелёные, тёмно-зелёные, и жёлто-коричневые пятна неопределённых форм. В таком наряде действительно легко затеряться в чаще, освещённой солнцем. А для ночи...

– Скажи, Вудро – если это не секрет, конечно! – Конан двинулся туда, куда ему рукой указал малыш, – На ночь вы переодеваетесь в чёрную одежду?

Вудро подумал, пошкрёб подбородок. Затем всё же ответил, прищурив глаза:

– А ты быстро всё схватываешь. Сразу чувствуется профессионал. Да, на ночь у нас есть чёрная одежда. И ещё плащи с капюшонами.

– Понятно. Однако мне непонятно вот что: вокруг на десятки миль – ни одного жилья. (Ну, я имею в виду – человеческого жилья.) От кого же вы выставляете столь сильные пикеты-посты?

– А-а, ну да. Люди из городов и сел к нам заходят очень редко. Но пикеты мы выставляем сейчас не от них, а... Впрочем, откуда же тебе знать про... – Вудро почесал теперь в затылке, – Видишь ли, Конан, разной нечисти здесь водится предостаточно. Совы-гарпии, пантеро-львы, ежесуслики, мохнатые кровососы... Хуже всех – странствующие медведи – молодые самцы. Или, скажем, стаи гиено-лисиц. Многих мы можем остановить вот такими, – Вудро кивнул за спину, – пикетами. Хотя убить человека тут может даже тварюшка размером с палец, – воин показал фалангу маленького пальчика, – Например, звенящая многоножка. Жутко ядовитая, и живучая. Пока не раздавишь в блин, будет пытаться уку-
сать...

Поэтому в наши леса люди, как ты верно подумал – не заходят просто так. И не потому, что тут поживиться нечем. Очень даже есть чем. (Собственно, на этом, ну, на дарах леса, мы и живём: охотой, рыбалкой, ягодами-грибами, орехами, и всём прочем.) Но вот пшеницу тут, как и остальные зерновые, вырастить сейчас невозможно.

Их вытаптывает и пожирает копер. Вернее, стадо коперов. Конан хмыкнул:

– Что ещё за стадо коперов? Никогда не слышал.

– И не удивительно. Они обычно живут как раз там, возле развалин Храма. А к нам приходят в поисках еды. (они всеядны) Но никогда дальше нашего леса не заходят. Мы сами долго думали, пытались по-всякому бороться с ними: охоти-

лись, стреляли отравленными стрелами, – Вудро похлопал себя по колчану, – заманивали в волчьи ямы, ставили капканы, накидывали сети... Ничего их не берёт: они – словно заколдованы!.. Коперы ещё и очень свирепы. И крупны: в одиночку с копером даже такой сильный воин как ты, – Вудро не без уважения снова окинул варвара оценивающим взглядом с ног до макушки, – вряд ли справится. Именно поэтому, как мне кажется, твой наниматель и не сказал тебе про коперов и про нас. Похоже, он не столько хотел получить свой опал, сколько – избавиться от тебя. Скажи честно: ты наступил кому-то в Шопесте на хвост?

Конан... призадумался.

А ведь и правда: он «наступил» кое-кому там, в захолустном, и каком-то тусклом и пыльном, городе-на-перекрёстке-торговых-трактов, на хвост! Очень даже неплохо причём наступил. И вполне может оказаться, что купчишки, которых он «пощипал», всё же договорились. И скинулись.

И вот Саидакмаль, глава их Гильдии, вызвал его глухой ночью, через доверенного охранника, с постоянного двора, где Конан кормил местных клопов на неудобной жёсткой постели, и предложил «столь важное и выгодное дельце, что справиться может только такой опытный, отважный и сильный воин, как ты! И принесёт оно тебе выгоды... Гораздо больше, чем если... (Хитрое подмигивание!) Ну, ты понимаешь!»

Любопытно. Внимательно разглядывая Саидакмаля, вар-

вар тогда подумал, что, похоже, и правда – дельце не настолько «простое». Об этом ему сказали и такие моменты, как покусываемые губы, отводимый в сторону и вниз взгляд, и крупные капли пота на лбу и шее солидного пожилого мужчины.

Но если честно, Глава гильдии произвёл на Конана, скорее, благоприятное впечатление. Такому больше подошло бы быть не начальником оголтелой своры жуликоватых наглых прашелыг и мелочных торгашей, какой, на взгляд киммерийца и являлась Гильдия купцов Шопесты, а, скажем... Достойным отцом и дедом многочисленного семейства.

Да и вообще: если совсем уж честно, многое в чёртовой Шопесте казалось Конану не совсем нормальным. Ну, хотя бы то, что при малейшем громком шуме все жители, где бы ни находились – на базаре, или на кривых и немощённых грязных улочках, неизменно вскидывали головы к небесам, и начинали истово осенять себя местным знаком почитания богов. Городской заменитель Мирты – некто Нэсс! – хоть и считался «добрым» богом местного пантеона, однако, как обнаружил не без удивления киммериец, любимым ругательством мужчин было: «Нэсс тебя забери!» Женщины же вообще никогда не упоминали этого имени. И предпочитали общаться, даже торгуясь, полушёпотом...

Впрочем, «заморочки» местной религии и нравов не слишком беспокоили киммерийца – с той точки зрения, что он абсолютно безнаказанно «пощипал» троих наиболее со-

стоятельных купцов, и даже дом казначея местного падишаха, а его всё ещё не пыталась арестовывать здешняя тайная полиция. Что говорило о том, что местная элита или не слишком верит в её способности схватить гиганта-северянина, или...

О том, что «обработанные» предпочитают, чтоб про его «работу» местный Правитель не узнал.

Имелся ещё вариант, который ему подсказало поведение, и присказка простых граждан: «На всё – воля Нэсса!». Может, поэтому к своей судьбе многие относились как, скажем, к солнцу на небе: светит – хорошо. Скрылось за тучи – тоже хорошо. Конану казалось, что ничто не в состоянии пробудить местных жителей от состояния равнодушной как бы летаргии, и наплевательства по отношению ко всему на свете.

В том числе и к своей судьбе.

И ещё эти граждане казались киммерийцу запуганными. И уж явно не местной полицией и стражей: те и сами казались какими-то потерянными, и даже строевых упражнений, или учений никогда не проводили. (Он выспрашивал об этом специально!)

Про людишек с таким «менталитетом» однажды метко сказала одна из его очередных боевых «подруг» – кушитка Аста: «Словно их пыльным мешком по голове трахнули!..».

Однако как бы Глава гильдии не превозносил способности и отличные физические данные варвара, и какими бы радужными ни казались перспективы «поработать» за хоро-

шую плату с какой-то там древней реликвией, Конан всё же доверял больше своему чутью.

Поэтому и потребовал тогда с Саидакмаля сразу треть суммы: в задаток!..

– Хм-м... А как эти коперы хотя бы выглядят? И какого размера?

– Ну... Размером копер с верблюда. Большого верблюда. И выглядит почти так же. Однако: и шея у него мощней, и ноги – толстые, как у слона. И – главное! – кожа очень толстая и прочная. Ни одна наша стрела так, по-моему, никогда её и не пробилла. Может, поэтому и не действует яд из молочая. – Конан подумал, что и правда: не выглядели тощенькие луки малышей так, чтоб можно было пустить стрелу с достаточной скоростью и силой, – А ещё у копера очень крупная голова. Нет, не так: я бы сказал, что это не голова, а просто – пасть! С отличными, острыми и крепкими, зубами! Которыми копер прекрасно может разжевать: что человека, что, скажем, бревно. Мы первое время пытались убивать их толстыми копьями из огромных самострелов – так вот они эти копьё перекусывали на раз!

– Н-да, похоже, серьёзный противник... – Конан коротко глянул на Тома, который за всё время беседы так рта и не открыл, а только изредка согласно кивал, – Но как же тогда вы с ними справляетесь?

– Хе-хе... Ты верно вычислил: раз мы до сих пор выживаем, значит, нашли кое-что... Средство. Мы коперов – просто

отпугиваем. Они не выносят запаха бледных поганок. Поэтому мы стали тщательно культивировать эти грибы: их плантации буквально окружают все наши деревни. И ещё – вот! – Вудро покопался за пазухой, и извлёк нечто, похожее на ладанку. Только большую, – Здесь – сушёные бледные поганки! Человек-то своим носом их не чует вообще, а вот копер – за десять шагов! И – сразу фыркает, разворачивается, и убегает!

Конан усмехнулся, покачав лохматой головой:

– Надо же!.. Человек всегда найдёт средство! А можно у вас попросить: и мне такую же ладанку? Не бесплатно, конечно: скажешь, что вам нужно.

– Хм. А ты быстро схватываешь суть, Конан-киммериец. Ладно, думаю, если дать тебе такую ладанку, ты и правда, никому про неё не расскажешь, да и про нас тоже... Но для этого нам придётся сделать крюк. Пройти через деревню кера Горсида, потому что от нашей мы уже далеко.

Надеюсь, он не будет против.

Кер Горсид оказался почтенным на вид старцем. Всё, что положено старейшему Главе рода у него имелось: и седая окладистая борода, и длинные, благородной формы усы, и умные, сохранившие юношеский задор, глаза. И выдержка: когда ему доложили что прибыл Конан-киммериец, да ещё и с такой странной просьбой, он и бровью не повёл.

– Значит, ладанку, говоришь? – осанистый старик осто-

рожно потерял густую бороду, ниспадавшую почти до груди. Затем оглянулся на четверых обступающих его соратников: старцев примерно его возраста, явно – советников и помощников. А в будущем, вероятно, и преемников, – А вы как думаете, друзья?

Сердито глядевший на Конана крайний справа старик, отличающийся непропорционально крупной головой, и животом, словно у любителя пива, буркнул:

– А с чего бы это нам делиться нашими секретами с каким-то проходимцем, который разболтает про нас по всему Средиземью?! Пусть убирается побыстрее, пока жив!

– Я понял твоё мнение, почтенный Баддок, – Горсид, ничем не выказав эмоций, взглянул по другую сторону от себя, – А что скажет почтенный Дольбер?

Дольбер оглядывал варвара, склоняя голову то к одному плечу, то к другому. Очевидно, это помогало ему: не то размышлять, не то – оценивать пришельца.

– Думаю, Конан-киммериец и сам не захочет про нас кому-нибудь рассказывать, даже если мы не попросим его дать слово киммерийца. А мы попросим. Так, на всякий случай. Правда, Коссип?

Тощий высокий – побольше трёх футов! – старец рядом с Баддоком степенно покивал. Он, как и Том, за всё время знакомства и последующего разговора не произнёс ни слова. Но варвара рассматривал тоже очень внимательно: хитринка в глазах маленького человечка не позволяла сомневаться в

житейской умудрённости и деловой хватке.

– Кархо?

Последний из старцев сказал весьма весомо:

– Мы все слышали о Конане-киммерийце. Мы знаем, что он, хм... Скажем так: забирает у богатых то, что у них имеется в избытке. И никогда Конан не позволял себе обидеть неимущего, или слабого. Поэтому я тоже, как и многие из нас, – при этих словах «почтенный» Баддок сердито дёрнул пухлым плечом, – считаю, что Конан – человек чести. И поверю ему на слово, если он его даст.

Кер Горсид покивал с довольным видом. Сказал:

– Конан-киммериец. Согласен ли ты дать слово никому не рассказывать о нас, и наших секретных способах борьбы с коперами?

Киммериец, уже раз дав обещание насчёт женщин, не видел смысла препираться из-за того, что не стоило ему никаких усилий.

– Согласен. Более того: если я достану опал, и буду возвращаться через ваши владения, я обещаю, покидая их границы, вернуть вам ладанку, если вы мне её сейчас дадите.

– М-м-м... Думаю, такой вариант устроит нас всех, – Горсид обвёл глазами всё своё воинство, и не встретив возражений даже со стороны всё ещё свирепо посверкивающего глазками, и поджимавшего пухлые губы Баддока, хлопнул в ладоши.

Прибежавшая девушка могла бы считаться красивой. Да-

же очень красивой – если б была соответствующего роста. Вот теперь Конан понял, почему малыши настаивали, чтоб он пообещал «не трогать женщин»!

Горсид что-то пошептал девушке на ухо, показав руками что-то круглое и небольшое, девушка метнулась за спины старцев, и вбежала в дверь самого большого бревенчатого дома, судя по всему как раз и служившего резиденцией общинного Совета, на пороге которого сейчас и стояли его члены. Вернулась она буквально через минуту, в руках что-то держала. Горсид бережно взял это.

Конан увидел ладанку – такую же, как у Вудро, но несколько большего размера.

– Конан! Прошу тебя нагнуться, и одеть на шею, если это не противоречит никаким твоим верованиям! – старец выступил чуть вперёд, и взял в обе руки шнурок, на котором ладанка висела.

Конан степенно подошёл, нагнулся. Старец аккуратно надел ему на шею оберег, прошептав чуть слышно: «Во имя Мирты Пресветлого!»

Ладанка, казалось, ничего не весила.

– Теперь ты защищён. – Горсид поднял ладонь как бы пресекая попытку Конана задать вопрос, – Ты нам за неё ничего не должен. Но мы просим тебя: если будет возможно, верни нам её в целости по завершении твоей миссии.

Конан отступил на шаг и почтительно поклонился:

– Благодарю, почтенный Кер Горсид, и вас, господа, за

оказанные мне честь и доверие. Обещаю вернуть этот талисман, если... Вот именно: будет такая возможность.

– А что, возможность может и не представиться?! – это снова влез буквально шипящий от плохо сдерживаемой ярости Баддок.

– Может. К примеру, если меня убьёт стража Храма Пурха. Или землетрясение отделит меня от этого леса. Или наводнение сделает долину Мазори непроходимой... Мало ли что в жизни может случиться! Человек, как говорит поговорка, предполагает, а лишь Мирта Пресветлый – располагает!

Четверо старцев-старейшин переглянулись, с хитрыми улыбками поглядывая и на отдувающегося недоверчивого собрата. Тот, заметив их взгляды, предпочёл промолчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.